

Шарлотта
БРОНТЕ

Джейн Эйр

Сквозь время

Шарлотта Бронте
Джейн Эйр

«WebKniga»

1847

УДК 821.111-3
ББК 84(4=432.1)

Бронте Ш.

Джейн Эйр / Ш. Бронте — «WebKniga», 1847 — (Сквозь время)

ISBN 978-5-00-112020-9

Роман «Джейн Эйр» вышел в 1847 году и стал главной книгой британской писательницы Шарлотты Бронте, ее визитной карточкой. Кто-то остроумно заметил: даже те, кто не удосужился прочесть роман, знают о существовании его героини — невзрачной гувернантки, нашедшей после многих горестей свое счастье. Со времени выхода романа специалисты пытаются объяснить и примирить его очевидное несовершенство и захватывающий интерес к нему. Отмечают, что Шарлотта Бронте первой сделала героиней дурнушку. Подчеркивают, что Джейн Эйр — первая героиня, которая сама рассказывает свою историю. Упирают на универсальный расклад дамского романа: декорации — хоть замок с привидениями, хоть Рублевка, хоть Голливуд. Вирджиния Вульф в свое время заметила: «Шарлотта все свое красноречие, страсть и богатство стиля употребляла для того, чтобы выразить простые вещи: "Я люблю", "Я ненавижу", "Я страдаю"». А что еще нужно читательнице? Ведь каждая Джейн Эйр ждет своего мистера Рочестера и надеется однажды сказать: «Читатель, я вышла за него замуж». При выпуске классических книг нам, издательству «Время», очень хотелось создать действительно современную серию, показать живую связь неувядающей классики и окружающей действительности. Поэтому мы обратились к известным литераторам, ученым, журналистам и деятелям культуры с просьбой написать к выбранным ими книгам сопроводительные статьи — не сухие пояснительные тексты и не шпаргалки к экзаменам, а своего рода объяснения в любви дорогим их сердцам авторам. У кого-то получилось возвышенно и трогательно, у кого-то посуше и поакадемичней, но это всегда искренне и интересно, а иногда — неожиданно и необычно. В любви к «Джейн Эйр» признаётся переводчик и литературный критик Наталья Игрунова — книгу стоит прочесть уже затем, чтобы сверить своё мнение со статьёй и взглянуть на произведение под другим углом.

УДК 821.111-3
ББК 84(4=432.1)

ISBN 978-5-00-112020-9

© Бронте Ш., 1847
© WebKniga, 1847

Содержание

Информация от издательства	6
Предисловие автора	7
Глава 1	9
Глава 2	13
Глава 3	18
Глава 4	24
Глава 5	33
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Шарлотта Бронте Джейн Эйр

*У. Теккерею, эсквайру, с глубочайшим уважением посвящает
автор эту книгу*

Информация от издательства

Художественное электронное издание

Бронте, Шарлотта

Джейн Эйр: роман / Шарлотта Бронте; пер. с англ. Ирины Гуровой; сопроводит. статья Натальи Игруновой. – М.: Время, 2017. – (Сквозь время).

ISBN 978-5-00112020-9

Роман «Джейн Эйр» вышел в 1847 году и стал главной книгой британской писательницы Шарлотты Бронте, ее визитной карточкой. Кто-то остроумно заметил: даже те, кто не удосужился прочесть роман, знают о существовании его героини – невзрачной гувернантки, нашедшей после многих горестей свое счастье. Со времени выхода романа специалисты пытаются объяснить и примирить его очевидное несовершенство и захватывающий интерес к нему. Отмечают, что Шарлотта Бронте первой сделала героиней дурнушку. Подчеркивают, что Джейн Эйр – первая героиня, которая сама рассказывает свою историю. Упирают на универсальный расклад дамского романа: декорации – хоть замок с привидениями, хоть Рублевка, хоть Голливуд. Вирджиния Вульф в свое время заметила: «Шарлотта все свое красноречие, страсть и богатство стиля употребляла для того, чтобы выразить простые вещи: “Я люблю”, “Я ненавижу”, “Я страдаю”». А что еще нужно читательнице? Ведь каждая Джейн Эйр ждет своего мистера Рочестера и надеется однажды сказать: «Читатель, я вышла за него замуж».

При выпуске классических книг нам, издательству «Время», очень хотелось создать действительно современную серию, показать живую связь неувядающей классики и окружающей действительности. Поэтому мы обратились к известным литераторам, ученым, журналистам и деятелям культуры с просьбой написать к выбранным ими книгам сопроводительные статьи – не сухие пояснительные тексты и не шпаргалки к экзаменам, а своего рода объяснения в любви дорогим их сердцам авторам. У кого-то получилось возвышенно и трогательно, у кого-то посуше и поакадемичней, но это всегда искренне и интересно, а иногда – неожиданно и необычно.

В любви к «Джейн Эйр» признаётся переводчик и литературный критик Наталья Игрунова – книгу стоит прочесть уже затем, чтобы сверить своё мнение со статьёй и взглянуть на произведение под другим углом.

© И. Г. Гурова, наследники, перевод, 2017

© Н. Н. Игрунова, сопроводительная статья, 2017

© Состав, оформление, «Время», 2017

Предисловие автора

В предисловии к первому изданию «Джейн Эйр» нужды не было, и мне не пришлось его писать. Но это, второе, издание требует нескольких вступительных слов благодарности и кое-каких пояснений.

Благодарность мне должно принести:

Во-первых, Публике – за снисходительность, с какой она склонила слух к незатейливой повести, ничем особо не блистающей;

Во-вторых, Печати – за благожелательную и беспристрастную поддержку, дарованную безвестному неопиту;

В-третьих, моим Издателям – за помощь, какую их тактичность, их энергия, их практический опыт и доброжелательность оказали неведомому и никем не рекомендованному Автору.

Печать и Публика для меня лишь неопределенные обобщения, и поблагодарить их я могу только в общих словах, однако моих Издателей я знаю и знаю тех благожелательных критиков, которые ободрили меня, как способны благородные и великодушные люди ободрить робкого новичка. И вот им – то есть моим Издателям и этим Критикам – я говорю от всей души: «Господа, сердечно вас благодарю!»

Признав, таким образом, свой долг тем, кто способствовал выходу моей книги в свет и одобрил ее, я обращусь к другим, чье число, насколько мне известно, невелико, но тем не менее не может быть оставлено без внимания, – к немногим боязливым или сварливо-придирчивым хулителям, кому направление таких книг, как «Джейн Эйр», представляется сомнительным, в чьих глазах все необычное уже дурно, чей слух в любом обличении лицемерия – этого отца преступлений – различает оскорбление благочестия, сему наместнику Бога в земной юдоли. Таким недоверчивым судьям я хочу указать на некоторые неопровержимые различия, хочу напомнить им несколько простых истин.

Светские условности еще не нравственность. Ханжество еще не религия. Обличать ханжество еще не значит нападать на религию. Сорвать маску с лица Фарисея еще не значит поднять руку на Терновый Венец.

Все эти вещи и дела диаметрально противоположны, они столь же различны, как порок и добродетель. Люди слишком уж часто путают их, а путать их нельзя. Нельзя принимать внешность за суть. Нельзя допускать, чтобы узкие человеческие доктрины, служащие вознесению и восхвалению немногих, подменяли учение Христа, искупившее весь мир. Между ними, повторяю, есть различие, и четко обозначить широкую границу, их разделяющую, – поступок благой, а не дурной.

Свету может не нравиться разделение этих идей, поскольку он привык сливать их воедино и находит удобным выдавать внешнюю благопристойность за истинную добродетель – принимать побелку стен за чистоту святилища. Он может ненавидеть того, кто дерзает проверять и обличать, соскабливать позолоту и обнажать низкий металл под ней, вскрывать гроб повапленный и обнажать всем взорам прах внутри, – но и ненавидя, он в долгу у такого смельчака.

Ахав не любил Михея, ибо тот не пророчествовал о нем доброго, а только худое. Возможно, угодливый сын Ханааны был ему много приятнее, однако Ахав мог бы избежать кровавой гибели, если бы отвратил слух свой от лести и открыл бы его правдивому совету.

Среди нас живет человек, чьи слова не предназначены для того, чтобы приятно щекотать нежные уши. Он, мне кажется, предстает перед великими мира сего, как некогда сын Иемлая предстал перед царем Израильским и царем Иудейским, сидевшими каждый на седалище своем, и провозглашает истину, столь же глубокую, с силой столь же пророческой и победной, с тем же бесстрашием и дерзновением. Вызывает ли сатирик «Ярмарки тщеславия» восхищение

в высших сферах? Не знаю. Но полагаю, если бы некоторые из тех, на кого он обрушивает греческий огонь своих сарказмов, над чьими головами мечет свои перуны, вняли, пока не поздно, его предостережениям, то сами они или семья их могли бы еще избежать Рамофа Галаадского, этой роковой битвы.

Почему я называю этого человека? Я называю его, ибо вижу, что ум его гораздо более глубок и уникален, чем сознают современники; ибо почитаю в нем первого борца за очищение общества наших дней, главного мастера среди тех тружеников, кто стремится восстановить во всей чистоте извращенный порядок вещей; ибо считаю, что ни один критик его творений еще не нашел подобающего ему сравнения или слов, верно определяющих его талант. Говорят, что он подобен Филдингу, указывают на его остроумие, юмор, умение рассмешить. На Филдинга он похож, как орел – на стервятника: Филдинг снисходит до падали, но Теккерей – никогда. Остроумие его блистательно, юмор обаятелен, однако к серьезному его гению они имеют то же отношение, что летние зарницы – к смертоносной электрической вспышке, укрытой в глубинах грозовой тучи. И наконец, я называю мастера Теккерейя потому, что ему – если он примет такую дань уважения от неизвестного лица – я посвящаю это второе издание «Джейн Эйр».

21 декабря 1847 года

Каррер Белл¹

¹ Роман вышел в свет в 1847 г. под псевдонимом Каррер Белл. (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

Глава 1

Пойти гулять после обеда в тот день было никак нельзя. Утром мы около часа бродили по садовым дорожкам среди оголившихся кустов, но к обеду (миссис Рид, если не было гостей, обедала рано) ледяной зимний ветер нагнал такие хмурые тучи и захлестал таким дождем, что ни о каких прогулках и речи быть не могло.

А я обрадовалась. Долгие прогулки, особенно в сырые знобкие дни, мне никогда не нравились. И каким мучительным было возвращение домой в промозглых сумерках, когда пальцы на руках и ногах совсем немели, а сердце сжимала тоска из-за сердитого ворчания Бесси, няньки, и еще от сознания, насколько я физически слабее, чем Элиза, Джон и Джорджиана Риды.

Теперь указанные Элиза, Джон и Джорджиана ласкались в гостиной к маменьке: она полулежала на кушетке у камина и, окруженная своими ангелочками (в эту минуту они не ссорились и не плакали), выглядела безоблачно счастливой. Меня к их кружку она не подзвала, сказав, что сожалеет о необходимости держать меня поодаль, но, пока не услышит от Бесси и собственными глазами не убедится, насколько искренне и усердно я стараюсь обрести детскую общительность и приветливость, сделаться более милой и резвой, стать веселой, непосредственной – ну, словом, более естественной, – она вынуждена отказывать мне в тех удовольствиях, какие предназначены только для детей, всем довольных и счастливых.

– А что Бесси наговорила, будто я сделала?

– Джейн, я не терплю хныканья и дерзких вопросов, к тому же ребенок, столь грубо говорящий о старших, поистине невыносим. Поди отсюда, посиди где-нибудь и помолчи, пока не научишься быть вежливой.

К гостиной примыкала малая столовая для завтраков, и я ускользнула туда. Там стоял книжный шкаф, и минуту спустя я уже держала в руке толстый том, в котором, как я предусмотрительно убедилась, было много картинок. Забравшись на диванчик в оконной нише, я поджала ноги по-турецки, почти совсем задернула гардину из красной плотной шерсти и оказалась в убежище, укрытом почти со всех сторон.

Справа меня прятали алые складки гардины, слева прозрачные стекла служили мне защитой от унылого ноябрьского дня, не загораживая его. Время от времени, переворачивая страницу книги, я поглядывала в окно на открывавшийся за ним вид – вдали белесой пеленой висел туман, смыкаясь с тучами, вблизи долгие порывы стонущего ветра гнали нескончаемые дождевые струи над мокрой лужайкой и гнувшимися ветками деревьев и кустов.

Я вернулась к моей книге – «Истории британских птиц» Бьюика. Печатный текст меня, вообще говоря, интересовал мало, однако некоторые страницы введения я, хотя и была еще совсем маленькой, не могла просто перелистнуть, не прочитав. Те, что посвящены местам обитания морских птиц, «пустынным скалистым островкам и обрывистым мысам», приюту лишь их одних, – побережью Норвегии, где таких островков и обрывов множество, от мыса Линдеснеса на юге и до Нордкапа на самом севере,

Где Северный вскипает Океан
Вокруг нагих унылых островов
Далекой Туле; где на грозные Гебриды
Гнев рушат атлантические волны².

² Строки из стихотворения «Осень» шотландского поэта Д. Томпсона. (Здесь и далее перевод стихов И. Гуровой.)

Не могли не привлечь моего внимания и описания суровых, мрачных берегов Лапландии, Сибири, Шпицбергена, Новой Земли, Исландии, Гренландии – все эти «необъятные протяжения Арктической зоны, эти неисследованные области, гнетуще безлюдные, это вечное царство морозов и снегов, где крепкие ледяные поля, творение неисчислимых столетий зимы, окружают полюс, громоздя ледяные горы одну выше другой, и сосредоточивают в себе все угрозы лютых холодов». У меня сложился собственный образ этих мертвенно-белых царств: смутный, как все лишь полупонятные представления, что неясными тенями скользят в детском мозгу, но странно убедительный. Слова на страницах введения связывались с иллюстрациями книги и придавали особое значение одинокой скале среди валов, взметающих фонтаны брызг, разбитой лодке на пустынном берегу, холодной жуткой луне, поглядывающей сквозь разрывы туч на тонущий корабль.

Не могу выразить, какую меланхолию будило изображение заброшенного кладбища, надгробной плиты с чьим-то именем, калитки, двух деревьев, заслоняющей даль полуразрушенной ограды, узкого серпа восходящего месяца – указания на наступление ночи.

Два судна, скованные штилем на зеркальной глади дремлющего океана, я сочла морскими призраками.

Страницу, на которой дьявол крепко держал вора за его суму, я тут же перевернула, холодея от ужаса.

Как и другую, где на вершине скалы сидел кто-то черный и рогатый, глядя на толпу вдалеке, окружающую виселицу.

Каждая картинка содержала какую-то историю, часто загадочную для моего неразвитого ума и детских чувств и все же необычайно интересную – не меньше рассказов Бесси в зимние вечера, когда она бывала в добром расположении духа и ставила свой столик для утюжки у камелька в детской. Разрешив нам усестись вокруг, она разглаживала кружевные рюши на платьях миссис Рид, плоила ее ночные чепцы и потчевала нас перипетиями любви и приключений, заимствованными из старинных сказок и еще более старинных баллад, а то и (как я поняла позднее) из «Памелы» или «Повести о Генри, графе Морлендском».

С Бьюиком на коленях я была счастлива, то есть счастлива на свой лад. И боялась только одного: что мне помешают, как и произошло слишком скоро. Дверь отворилась.

– Ба! Госпожа Нюня! – раздался голос Джона Рида и тотчас умолк, так как комната оказалась пустой. – Куда, прах ее побери, она подевалась? – продолжал он. – Лиззи! Джорджи! – позвал он сестер. – Джоан тут нет! Скажите маменьке, что она убежала под дождь, дрянная такая!

«Хорошо, что я задернула гардину», – подумала я, лихорадочно надеясь, что он не обнаружит мой тайник. И Джон Рид меня не нашел бы – он был туп и ненаблюдателен, но Элиза только заглянула в дверь и сразу сказала:

– Она за гардиной, Джек, где ей еще быть?

И я сразу вышла в комнату, дрожа при одной мысли, что упомянутый Джек вытащит меня оттуда насильно.

– Чего вам? – спросила я с неловкой робостью.

– Ну-ка скажи: «Что вам угодно, мастер Рид?» – последовал ответ. – А угодно мне, чтобы ты подошла сюда!

Он плюхнулся в кресло и жестом приказал, чтобы я встала перед ним. Джон Рид был четырнадцатилетним школьником (на четыре года старше меня, так как мне было тогда всего десять), крупным и плотным для своего возраста, с землистой нездоровой кожей, грубыми чертами широкого лица, толстыми руками и большими ступнями. За столом он обжирался, и из-за постоянного несварения желудка глаза у него были мутными и тусклыми, а щеки дряблыми. Собственно, ему полагалось бы сейчас быть в школе, но его маменька забрала его домой на месяц-два «по причине деликатного здоровья». Мистер Майлс, директор школы, объяснил,

что Джон был бы совсем здоров, если бы ему из дома присылали поменьше бисквитов и сластей, однако материнское сердце не приняло столь сурового суждения, склоняясь к более возвышенному убеждению, что дурной цвет лица Джона свидетельствует о чрезмерном прилежании, а возможно, и о том, что мальчик тоскует по дому.

Джон питал очень мало любви к матери и сестрам, а ко мне – живейшую антипатию. Он издевался надо мной и бил меня – и не два-три раза в неделю, не раз-другой на дню, но непрерывно: каждый мой нерв изнывал от страха перед ним и все мое существо сжималось при его приближении. Бывали минуты, когда я совсем терялась от ужаса, который он мне внушал. Ведь у меня не было никакой защиты ни от его угроз, ни от перехода от слов к делу. Слуги не хотели идти наперекор молодому хозяину, вступившись за меня, а миссис Рид оставалась слепа и глуха: она не видела, как он меня бьет, не слышала, как он осыпает меня бранью, даже если он расправлялся со мной, не стесняясь ее присутствия. Правда, чаще это происходило у нее за спиной.

Привычно подчиняясь Джону, я подошла к его креслу. Примерно три минуты он потратил на то, что показывал мне язык, высовывая его настолько, насколько было возможно, не повредив корня. Я знала, что потом он меня ударит, и, хотя очень боялась удара, думала о том, как отвратителен и уродлив тот, кто сейчас его нанесет. Возможно, он прочитал эти мысли по моему лицу, потому что внезапно без единого слова ударил меня так сильно, что я зашаталась, однако удержалась на ногах и попятилась.

– Это тебе за то, что ты дерзко отвечала маменьке в гостиную, – сказал он, – и за то, что ты подло пряталась за занавеской, и за то, как ты на меня смотрела две минуты назад, слышишь, крыса!

Я давно привыкла к грубостям Джона Рида, и мне в голову не приходило возражать ему. Меня заботило лишь то, как перенести удар, который неизбежно должен был последовать за бранью.

– Что ты делала за занавеской? – спросил он.

– Читала.

– Покажи книгу.

Я вернулась к окну и принесла ее.

– Ты не смеешь брать наши книги; мама говорит, что ты приживалка; у тебя нет денег, твой отец тебе ничего не оставил; тебе бы надо милостыню кланчить, а не жить здесь с детьми джентльмена, есть то же, что едим мы, и носить одежду, за которую платит маменька. Ну я проучу тебя, как рыться на моих книжных полках! Они ведь мои, весь дом мой – или станет моим через несколько лет. Иди встань у двери, подальше от зеркала и окон.

Я послушалась, не сообразив сначала, что он задумал. Но когда увидела, как он поднял книгу, прицелился и вскочил, чтобы швырнуть ее, я инстинктивно с испуганным криком кинулась в сторону. Но опоздала. Том уже был брошен, обрушился на меня, сбил с ног, и я стукнулась головой о косяк. Из ссадины потекла кровь. Боль была настолько сильной, что мой ужас внезапно прошел, сменившись другими чувствами.

– Гадкий, злой мальчишка! – крикнула я. – Ты как убийца, ты как надсмотрщик над рабами, ты как римские императоры!

Я читала «Историю Рима» Голдсмита и имела свое суждение о Нероне, Калигуле и прочих. И про себя проводила параллели, хотя вовсе не собиралась вот так выложить их вслух.

– Как! Как! – завопил он. – Она сказала мне такое? Вы ее слышали, Элиза и Джорджиана? Ну я скажу маменьке, но сперва...

Он ринулся на меня. Я почувствовала, как он ухватил меня за волосы и за плечо... но он напал на существо, доведенное до отчаяния. Я правда видела в нем тирана, убийцу. Я чувствовала, как у меня по шее сползают капли крови, испытывала острую боль, и все это на время возобладало над страхом. Я сопротивлялась как безумная. Не знаю, что делали мои

руки, только он охнул: «Крыса! Крыса!» и завопил во всю мочь. Но ему недолго пришлось ждать спасения. Элиза с Джорджианой уже сбегали за миссис Рид, которая поднялась в свой будуар, и теперь она явилась на поле боя в сопровождении Бесси и Эббот, своей камеристки. Нас растащили. Я услышала слова:

– Подумать только! Набросилась на мастера Джона как помешанная!

– Просто невообразимо, до чего она разъярилась!

А затем миссис Рид приказала:

– Уведите ее в Красную комнату и закройте там!

В меня тотчас вцепились две пары рук и понесли наверх.

Глава 2

Я сопротивлялась до самого конца. Нечто новое для меня и заметно укрепившее дурное мнение обо мне и Бесси, и мисс Эббот. Я и правда была не в себе или, вернее, вне себя, как говорят французы. Понимая, что секундный бунт уже обрек меня на неведомые кары, я, подобно всем восставшим рабам, в порыве отчаяния была исполнена решимости идти до конца.

– Держите ее руки, мисс Эббот, она хуже бешеной кошки!

– Стыдно! Стыдно! – вскричала камеристка. – Какое мерзкое поведение, мисс Эйр, – ударить молодого джентльмена, сына вашей благодетельницы! Вашего молодого хозяина!

– Хозяина? Как так – хозяина? Разве я служанка?

– Нет, вы ниже, чем последняя судомойка, ведь вы едите свой хлеб даром. Ну-ка, сядьте и хорошенько подумайте о своем дурном сердце.

К этому времени они уже водворили меня в комнату, указанную миссис Рид, и насильно усадили на что-то мягкое. Я было вскочила как ужаленная, но они вновь схватили меня и удержали на месте.

– Раз не хотите сидеть смирно, придется вас связать. Мисс Эббот, одолжите мне ваши подвязки, мои она сразу разорвет.

Мисс Эббот отвернулась, чтобы снять с пухлой ноги требуемые узы. Эти приготовления и новое унижение, каким они завершились бы, немного меня усмирили.

– Не снимайте их! – вырвался у меня крик. – Я не встану.

И в подтверждение я обеими руками вцепилась в мягкое сиденье.

– Ну смотри! – сказала Бесси, а когда убедилась, что я и правда присмирела, то отпустила меня, и они с мисс Эббот стояли надо мной, скрестив руки на груди, подозрительно и хмуро глядя в мое лицо, словно сомневаясь, в здравом ли я уме.

– Прежде она такого не вытворяла, – наконец сказала Бесси, повернувшись к камеристке.

– Только оно всегда в ней сидело, – ответила та. – Я хозяйке часто говаривала, какова, по-моему, эта девочка, и хозяйка, она со мной соглашалась. В тихом омуте черти водятся. В жизни не видела, чтоб маленькая девочка была такой скрытной.

Бесси ничего не ответила, но затем сказала мне:

– Вам бы след помнить, мисс, что вы миссис Рид всем обязаны, – она вас содержит. А если прогонит вас, так вам одна дорога – в работный дом.

Мне нечего было ответить на эти слова. Слышала я их не в первый раз. Самые первые мои воспоминания включали вот такие намеки. Попреки в моей обездоленности превратились в моих ушах в какой-то неясный напев – очень мучительный и унижительный, но понятный лишь наполовину. Мисс Эббот не замедлила подхватить:

– И вам не след считать себя ровней молодым барышням и мастеру Риду потому только, что хозяйка по доброте своей позволила, чтоб вы воспитывались вместе с ними. Они-то получают большие деньги, а вы – ничего, так вам надо набраться смирения, стараться угождать им.

– Мы ж вам это все говорим для вашей же пользы, – добавила Бесси совсем не злым голосом. – Уж постарайтесь быть полезной, приветливой, так, может, и останетесь жить тут. А если начнете злиться и грубить, хозяйка вас отошлет, это уж как пить дать.

– А кроме того, – подхватила мисс Эббот, – ее Боженька покарает: поразит смертью, когда она будет беситься, и куда ей тогда прямая дорога? Пойдем, Бесси, оставим ее. Вот уж не хотела бы, чтоб мое сердце было бы таким черным, как у нее. А вы, мисс Эйр, когда останетесь одни, помолитесь хорошенько. Не то, если не покаетесь, как бы нечистая сила не забралась бы в трубу да и не утащила бы вас.

Они ушли, закрыв за собой дверь и заперев ее.

Красная комната была запасной спальней, которой пользовались очень редко, вернее сказать – никогда, кроме тех случаев, когда в Гейтсхед-Холл съезжалось столько гостей, что ни единой другой свободной комнаты не оставалось. И это притом что Красная комната была одной из самых больших и роскошных в доме. В центре, точно алтарь, возвышалась кровать красного дерева с массивными столбиками, поддерживавшими полог из багряного дамаска. Два больших окна с никогда не открывавшимися ставнями были наполовину занавешены гардинами из той же ткани, ниспадавшими фестонами и волнистыми складками. Ковер был красным. Стол в ногах кровати был накрыт малиновой скатертью. Цвет стен был золотисто-коричневатым с розовым оттенком; комод, туалетный столик, стулья – все были старинного темно-красного дерева, тщательно отполированного. Среди общей этой темно-красности резала взгляд снежная белизна пикейного покрывала, прятавшего взбитые пуховики и подушки. Почти столь же слепяще белым выглядело глубокое покойное кресло у изголовья со скамеечкой для ног. Мне оно показалось мертвенно-белесым тронem.

В комнате царил холод, так как в ней редко топили камин; там стояла мертвая тишина, так как она находилась далеко от кухни и детской, и она казалась мрачной, так как туда редко кто-нибудь входил. Только горничные по субботам стирали с зеркал и мебели пыль, тихо осевшую на них за неделю; да изредка ее посещала сама миссис Рид, чтобы проверить содержимое потайного ящика комода, где хранились разные документы, шкатулка с ее драгоценностями и миниатюра ее покойного мужа. Эти последние слова заключают в себе тайну Красной комнаты, то заклятие, из-за которого она пустовала, несмотря на все свое великолепие.

Мистер Рид девять лет покоился в могиле, и свой последний вздох он испустил на этой кровати. Здесь он лежал в гробу, отсюда подручные гробовщика отнесли его на кладбище, и с того дня что-то вроде священного страха оберегало Красную комнату от частых вторжений.

Сиденье, к которому Бесси и злобная мисс Эббот пригвоздили меня, оказалось низенькой оттоманкой возле мраморного камина. Прямо передо мной вздымалась кровать, справа высился темный комод – отражения в его полированной стенке казались неясным узором, слева находились занавешенные окна, и высокое зеркало между ними повторяло тоскливое величие кровати и комнаты. Я не знала точно, заперли ли они дверь, и, когда набралась смелости встать, пошла проверить, так ли это. Но увы! Никакая темница не запиралась столь надежно. Возвращаясь к оттоманке, я должна была пройти мимо зеркала, и мой замороженный взгляд невольно измерил его глубины. Все в этой воображаемой нише выглядело более холодным, более темным, чем в натуре. И смотревшая на меня оттуда одинокая фигурка, чьи побелевшие лицо и руки выделялись в сумраке, а блестящие от страха глаза были единственным, что двигалось среди общей неподвижности, более всего походила на привидение. Мне она напомнила тех маленьких духов, наполовину фей, наполовину бесенят, которые в рассказах Бесси населяли заросшие папоротником болотца среди вересковых пустошей и внезапно появлялись перед запоздалыми путниками. Я вернулась на оттоманку.

За эти минуты во мне пробудилось суеверие, но час его полной победы еще не настал: моя кровь еще оставалась теплой, во мне еще не угасло горькое воодушевление взбунтовавшегося раба. И прежде чем темное настоящее удручило меня, я надолго оказалась во власти быстрого потока воспоминаний и мыслей.

Все тиранические издевательства Джона Рида, спесивое безразличие его сестер, отвращение их матери, угодливое презрение прислуги – все это всколыхнулось в моем возмущенном сознании, точно ил, взбаламученный в воде колодца. Почему я все время обречена страданиям, всегда подвергаюсь унижениям, всегда оказываюсь виноватой, всегда бываю наказана? Почему мной всегда недовольны? Почему бесполезны любые попытки кому-то понравиться? Элизу, упрямую и себялюбивую, уважают. Джорджиану, капризную, очень злопамятную, мелочно-придирчивую, дерзкую, все балуют, во всем ей потакают. Ее красота, ее розовые щечки и золотые локоны словно бы чаруют всех, кто ни посмотрит на нее, заранее искупая любые про-

винности. Джону ни в чем не препятствуют, и уж тем более его ни за что не наказывают, хотя он сворачивает шеи голубям, убивает цыплят цесарки, натравливает собак на овец, обрывает все плоды в оранжерее, обламывает все бутоны на редких растениях. Он называет мать старушкой, иногда ругает за смуглую кожу, такую же, как у него, грубо перечит ей, не так уж редко рвет и портит ее шелковые платья, и все равно он – ее «милый сыночек». Я боюсь хоть в чем-нибудь провиниться, я стараюсь добросовестно исполнять все свои обязанности, а меня называют непослушной и дерзкой, злой и хитрой тихоней с утра до полудня и от полудня до ночи.

Голова у меня все болела от полученного удара, от ушиба о дверной косяк, а из ссадины все еще сочилась кровь, но никто не побранил Джона за то, что он без всякой причины набросился на меня, а я, потому лишь, что воспротивилась ему, пытаюсь избежать новых беспорядочных побоев, стала предметом всеобщего осуждения.

«Несправедливо! Несправедливо!» – твердил мой рассудок, обретший взрослую, хотя и временную остроту от боли и обиды. И они же породили решимость прибегнуть к любому средству, только бы спастись от невыносимой тирании, – например, убежать, а если не удастся, больше не есть и не пить, пока не умру.

Какие душевные муки терзали меня в эти последние часы унылого дня! В каком смятении пребывал мой рассудок, как бунтовало мое сердце! Но в каком мраке необъяснимости велся этот мысленный бой! Я не находила ответа на неумолчный внутренний вопрос – почему, за что я так страдаю? Теперь, с расстояния... не скажу скольких лет, я нахожу его без всякого труда.

Я вносила дисгармонию в Гейтсхед-Холл. Я же была иной, чем все остальные там: у меня не было ничего общего ни с миссис Рид, ни с ее детьми, ни с ее приближенными вассалами. Они меня не любили, так ведь и я их не любила. С какой стати должно было внушать им добрые чувства существо, взаимно не симпатичное каждому из них, существо, совершенно им чужое, полная их противоположность по характеру, по способностям, по склонностям; никчемное существо, которое не могло стать ни полезным им, ни еще одним источником радостей; ядовитое существо, взращивающее семена возмущения их обхождением, презрения к их мнениям. Я знаю, что, будь я задорной, веселой, беззаботной, требовательной и красивой резвухой, пусть и столь же обездоленной и зависимой от нее, миссис Рид терпела бы мое присутствие более спокойно, ее дети скорее были бы склонны видеть во мне подружку, а слуги не старались бы сваливать на меня вину за все, что могло приключиться в детской.

Дневной свет мало-помалу прощался с Красной комнатой; время шло к половине пятого, и пасмурный день переходил в гнетущие сумерки. Я слышала, как дождь все еще неумолчно стучит в окно на лестнице, как воет ветер в рожице позади дома. Мне становилось все холоднее и холоднее, и тут смелость покинула меня. Привычное состояние униженности, сомнения в себе, тоскливой подавленности подернуло сыростью угли моего угасающего гнева. Все называли меня скверной девочкой, так может быть, я и вправду такая? Разве я минуту назад не думала о том, как уморить себя голодом? Это, бесспорно, грешная мысль, а достойна ли я смерти? И такой ли желанный приют – склеп под приделом гейтсхедской церкви? В этом склепе, как мне говорили, погребен мистер Рид. И тут мои мысли обратились к нему, наводя на меня все больший страх. Я его не помнила, но знала, что он был моим родным дядей – братом моей матери, что он взял меня, осиротевшую на первом году жизни, в свой дом и что на смертном одре он потребовал от миссис Рид обещания, что она будет содержать и воспитывать меня как собственную дочь. Вероятно, миссис Рид считала, что ни в чем не отступила от своего обещания, да так, полагаю, оно и было в той мере, в какой ей позволяла ее натура. Но как могла она питать добрые чувства к завещанной ей воспитаннице, не связанной с ней кровными узами, а после смерти ее мужа так вообще никакими? Несомненно, ее крайне тяготила необ-

ходимость из-за вырванного у нее слова заменять мать чужому ребенку, которого она не могла любить, и терпеть постоянное присутствие неприятной чужачки в своем семейном кружке.

Меня осенила странная мысль. Я не сомневалась – никогда не сомневалась, – что мистер Рид, будь он жив, обходился бы со мной заботливо и ласково. И вот теперь, глядя на белую кровать и тонушие в сумраке стены, а порой и обращая замороженный взгляд на смутно поблескивающее зеркало, я начала припоминать все истории, какие слышала о мертвецах, которые не находят покоя в могилах потому, что их последняя воля не была исполнена, и возвращаются в мир живых, дабы покарать нарушивших клятву и отомстить за обиженных. И мне пришло в голову, что дух мистера Рида, разгневанный несправедливостями, которые терпит дочь его сестры, может покинуть то ли церковный склеп, то ли неведомый мир, где пребывают усопшие, и явиться мне в этой комнате. Я утерла слезы и подавила рыдания, боясь, как бы на свидетельства бурного горя не отозвался потусторонний голос, дабы утешить меня, или из темноты не возникло бы лицо, окруженное ореолом, и не склонилось бы надо мной с неземной жалостью. Хотя в теории эта мысль казалась утешительной, я почувствовала, что осуществление ее на деле было бы ужасным, и изо всех сил постаралась прогнать ее, постаралась быть твердой. Стряхнув волосы с глаз, я откинула голову и попыталась обвести темную комнату смелым взглядом – и в этот миг на стену лег светлый блик. Может быть, спросила я себя, лунный луч проник в щелку между ставнями? Нет, лунный свет неподвижен, а этот двигался: на моих глазах он скользнул к потолку и затрепетал у меня над головой. Теперь я не сомневаюсь, что, вероятнее всего, кто-то шел через лужайку с фонарем, луч которого скользил по ставням, но тогда я с трепетом ожидала неведомых ужасов, мои нервы были возбуждены до крайности, и быстро скользящий блик представился мне предвестником потустороннего видения. Сердце у меня заколотилось, мои уши заполнил звук, показавшийся мне шелестом крыльев, я ощутила чье-то присутствие... Меня что-то давило, душило, и, утратив всякую власть над собой, я бросилась к двери и стала отчаянно дергать ручку. В коридоре послышались бегущие шаги, ключ повернулся в замке, и вошли Бесси с Эббот.

– Мисс Эйр, вам нехорошо? – спросила Бесси.

– Какой жуткий шум! Меня всю будто жаром обдало! – воскликнула Эббот.

– Выпустите меня! Можно я вернусь в детскую? – кричала я.

– Зачем? Вы поранились? Вам что-нибудь привиделось? – расспрашивала меня Бесси.

– Ой! Я видела свет и подумала, что увижу привидение! – Я уцепилась за руку Бесси, и она ее не отняла.

– Она нарочно завопила, – заявила Эббот со злостью. – Оглохнуть можно было. Ну заболи у нее что-то, так еще понятно было бы, но она же только одного хотела: чтобы мы все сюда прибежали. Знаю я подлые ее хитрости!

– В чем дело? – властно спросил еще один голос: по коридору шла миссис Рид. Ленты ее чепца развевались, платье воинственно шуршало. – Эббот и Бесси! Мне кажется, я распорядилась, чтобы Джейн Эйр оставили в Красной комнате, пока я сама за ней не приду.

– Мисс Джейн так громко кричала, сударыня, – сказала Бесси умоляюще.

– Не поддерживайте ее! – был единственный ответ. – Отпусти руку Бесси, девочка! Не сомневайся, таким способом ты ничего не добьешься. Я не терплю притворства, особенно в детях. Мой долг – показать тебе, что от лживых уловок пользы не бывает. Теперь ты пробудешь тут на час дольше, но и тогда я тебя выпущу, только если ты смиришься и будешь вести себя очень тихо.

– Тетя, сжальтесь! Простите меня! Я не вынесу... накажите меня как-нибудь по-другому! Я умру, если...

– Молчать! Эта буйная выходка отвратительна!

Без сомнения, она не кривила душой. В ее глазах я была не по летам умелой притворщицей. Она искренне видела во мне сочетание взбалмошности, скверного нрава и опасной двуличности.

Бесси и Эббот вышли в коридор, и миссис Рид, еще более раздраженная моим теперь иступленным отчаянием и судорожными рыданиями, втокнула меня внутрь без лишних слов и заперла дверь. Я услышала, как она удаляется, гневно шурша юбками, и тут, видимо, я потеряла сознание и все подернулось темнотой.

Глава 3

Следующее мое воспоминание: я просыпаюсь будто от страшного кошмара и вижу жуткое багровое сияние, пересеченное черными полосками. И я слышу голоса, странно глухие, будто доносящиеся сквозь шум ветра или воды. Волнение, растерянность и властвующий надо всем ужас мутили мое сознание. Вскоре я почувствовала чьи-то руки: кто-то приподнял меня и усадил, поддерживая за плечи, причем никогда еще меня не приподнимали и не поддерживали с такой ласковой бережностью. Я прислонилась головой не то к подушке, не то к чьей-то руке, и мне стало легче.

Через пять минут туман, окутывавший мой мозг, рассеялся. И я поняла, что нахожусь в собственной кровати, а багровое сияние исходит от огня в камельке детской. Была ночь. На столе горела свеча. В ногах кровати стояла Бесси с тазиком в руке, а в кресле возле моего изголовья сидел незнакомый джентльмен и низко наклонялся надо мной.

Я испытала неизъяснимое облегчение: близость постороннего человека, не обитателя Гейтсхеда, не родственника миссис Рид, успокаивала, обещала защиту. Отвернувшись от Бесси (хотя ее присутствие было для меня куда менее тягостным, чем, например, Эббот), я вгляделась в его лицо и узнала мистера Ллойда, аптекаря, которого миссис Рид иногда звала к заболевшим слугам. Себя и своих детей она поручала заботам врача.

– Ну-с, кто я? – спросил он.

Я назвала его фамилию и протянула ему руку. Он взял ее с улыбкой, говоря:

– Скоро мы будем чувствовать себя совсем хорошо!

Затем мистер Ллойд осторожно уложил меня и, обратившись к Бесси, велел ей последить, чтобы ночью меня не тревожили. Он отдал еще несколько распоряжений, упомянул, что заглянет на следующий день, и удалился – к большому моему огорчению. Мне было так уютно, так спокойно, пока он сидел у моего изголовья. И когда он притворил за собой дверь, в комнате словно стало темнее, и сердце у меня вновь упало, удрученное невыразимой тоской.

– Мисс, а вы уснете, как вам кажется? – спросила Бесси мягко.

Я ответила ей лишь с большим трудом, ожидая услышать злой упрек:

– Постараюсь.

– Дать вам попить? А может, скушаете чего-нибудь?

– Нет, спасибо, Бесси.

– Так я, пожалуй, лягу. Ведь время уже за полночь. Но если вам что понадобится ночью, так вы меня позовите.

Какая удивительная заботливость! Осмелев, я спросила:

– Бесси, а что со мной такое? Я заболела?

– Думается, в Красной комнате вам стало нехорошо, так вы сильно плакали. А теперь вам, должно быть, скоро полегчает.

Бесси пошла в комнату горничной рядом с детской. Я услышала, как она сказала:

– Сара, ляг со мной в детской. Я страх боюсь остаться одна с бедной девочкой. Она ж и умереть может! И что с ней такое приключилось? Может, ей что привиделось? Хозяйка была слишком уж строга.

Она вернулась с Сарой, и они легли спать. Но перед тем как заснуть, шептались добрых полчаса. До меня доносились обрывки их разговора, и я более чем ясно понимала, какую тему они обсуждают.

«Что-то прошло совсем рядом с ней, белое такое, и исчезло...»

«А следом за ним – большой черный пес...»

«Три громких удара по двери...»

«Свет на кладбище прямо над его могилой...»

И так далее, и так далее.

Наконец обе уснули, свеча и огонь погасли. Для меня часы этой ночи тянулись в жутком бдении. Уши, глаза, ум были равно во власти ужаса – того ужаса, какой способны испытывать только дети.

Случившееся в Красной комнате не завершилось тяжким или длительным телесным недугом: оно всего лишь вызвало у меня такое нервное потрясение, что его отголоски я испытываю по сей день. Да, миссис Рид, вам я обязана тягчайшими душевными страданиями. Но мне следует простить вас, ибо вы не ведали, что творили: надрывая струны моего сердца, вы считали, что искореняете мои скверные наклонности, не более того.

На следующий день к полудню я встала, оделась и укутанная в шаль сидела у камелька в детской. Физически я чувствовала себя очень слабой и разбитой, но куда хуже была моя душевная подавленность – подавленность, заставлявшая меня все время тихо плакать. Не успевала я стереть со щеки одну соленую каплю, как тотчас по ней скользила другая. А ведь, думала я, мне следовало бы чувствовать себя счастливой: никого из младших Ридов дома не было – они уехали кататься в карете с маменькой, Эббот шила в соседней комнате, а Бесси, убиравшая игрушки на место и приводившая в порядок ящики комода, иногда заговаривала со мной с непривычной ласковостью. Казалось бы, мне, привыкшей к постоянным выговорам, к необходимости прислуживать, не получая ни слова благодарности, должно было бы казаться, будто я оказалась в раю тишины и покоя, однако мои истерзанные нервы достигли того состояния, когда тихая безмятежность уже не могла их успокоить и никакое удовольствие не вызвало бы приятного волнения.

Бесси спустилась в кухню и вернулась с пирожным на фарфоровой тарелке с ярким красивым узором – райские птицы, обрамленные венком из розовых бутонов в сплетении листьев, давно вызывали у меня восторженное восхищение, и я часто просила позволения взять тарелку в руки, чтобы получше их разглядеть, но до сих пор меня считали недостойной такой чести. И вот теперь бесценная тарелка была на моих коленях и меня ласково уговаривали съесть хоть кусочек лакомства, лежащего на ней. Напрасная благосклонность! Подобно большинству других знаков доброжелательности, о которых мечтаем и в которых долго отказывают, она пришла слишком поздно!

Я даже надкусить пирожное не могла, а оперение птиц и лепестки цветов выглядели странно поблекшими. Я отставила тарелку с угощением. Бесси спросила, нечитаю ли я книжку. Слово «книжка» временно меня подбодрило, и я попросила Бесси принести мне из библиотеки «Путешествия Гулливера». Эту книгу я перечитывала снова и снова с неубывающим восторгом. Мне она казалась рассказом о том, что произошло на самом деле, и вызывала у меня куда более глубокий интерес, чем сказки: ведь после долгих тщетных поисков эльфов среди листьев наперстянки, в венчиках колокольчиков, под шляпками грибов и под плетями плюща на обомшелой ограде я в конце концов смирилась с печальным выводом, что все они переселились из Англии в какую-то дикую страну, где леса по-прежнему дремучи, а людей совсем мало. Тогда как Лилипутия и Бробдинггег, как я твердо верила, действительно существуют где-то на земле. Я не сомневалась, что могу в один прекрасный день после долгого плаванья собственными глазами увидеть маленькие поля, домики и деревья, миниатюрных людей, крохотных коров и птиц первого королевства, а после того – хлебные колосья высотой с корабельные мачты, могучих псов, чудовищных кошек и исполинских жителей второго. Тем не менее теперь, когда любимый том был вложен в мои руки, когда я начала листать его, ища в великолепных иллюстрациях то очарование, которое до сих пор неизменно находила в них, они показались мне жуткими, наводящими тоску и уныние. Великаны выглядели тощими людоедами, карлики – злобными, нагоняющими страх уродцами, а Гулливер – бесконечно одиноким странником в самых страшных и опасных областях мира. Я закрыла книгу, не решившись

прочесть хотя бы строчку, и положила ее на тумбочку рядом с пирожным, к которому так и не притронулась.

Кончив прибирать комнату и вытирать пыль, Бесси вымыла руки, открыла некий ящичек, полный чудесных шелковых и атласных лоскутков, и занялась изготовлением новой шляпки для куклы Джорджианы, напевая вполголоса. А пела она вот что:

В дни, когда мы кочевали,
Так давно-давно...

Я часто слышала эту песню раньше – и всегда с живейшей радостью, так как голос Бесси был очень мелодичным... по крайней мере, таким он казался мне. Но теперь, хотя ее голос ничуть не утратил мелодичности, в звуках песни мне почудилась невыразимая печаль. Иногда, поглощенная своей работой, она на припеве понижала голос почти до шепота, растягивая слова, и «Так давно-давно» обретало скорбную каденцию погребального гимна. Затем она завела вторую балладу, на этот раз по-настоящему грустную:

Устала идти я, и ноженьки ноют.
Как дики здесь горы, как тропы круты,
И сумерки скоро дорогу закроют
От взоров лишенной всего сироты.

Почто же послали меня так далёко,
Туда, где лишь скалы да дрока кусты?
Люди со мной поступают жестоко,
Но ангелы бдят над судьбой сироты.

И ветер мне теплый лицо овеивает,
И светят мне звезды с небес высоты,
Господь в милосердье своем утешает
Печали бредущей во тьме сироты.

Коль в пропасть иль в топь завлекут меня злые
Огни, что блуждают среди темноты,
Отец мой Небесный за муки былые
Душу к себе призовет сироты.

Без близких и крова живу я, тоскуя,
Но в сердце не вянут надежды цветы:
На небе мой дом, там его обрету я.
Бог – любящий друг и оплот сироты.

– Да ну же, мисс Джейн, не плачьте, – сказала Бесси, кончив петь. С тем же успехом она могла сказать огню: «Не обжигай!» Но как она могла знать, какие тяжкие муки меня терзали?

Вскоре в детскую вошел мистер Ллойд.

– Как! Уже на ногах! – сказал он, притворяя за собой дверь. – Ну-с, нянюшка, как она?

Бесси ответила, что мне много лучше.

– Тогда ей следует выглядеть повеселее. Подойдите-ка сюда, мисс Джейн. Вас ведь зовут Джейн?

– Да, сэр, Джейн Эйр.

– Ну-с, вы плакали, мисс Джейн Эйр, так не скажете ли мне из-за чего? У вас что-нибудь болит?

– Нет, сэр.

– А! Плачет, небось, что не смогла поехать покататься в карете с хозяйкой, – вмешалась Бесси.

– Да не может быть! Она ведь уже большая и не станет дуться из-за таких пустяков.

Я придерживалась такого же мнения, и столь несправедливое обвинение больно уязвило мое самолюбие. Я поспешила ответить:

– Уж из-за этого я плакать не стала бы ни за что! Ненавижу кататься в карете! А плакала я, потому что очень несчастна!

– Как не стыдно, мисс!

Добрый аптекарь, казалось, был озадачен. Я стояла перед ним, и он не сводил с меня внимательного взгляда. Глаза у него были небольшие, серые и не светились особым умом, однако, полагаю, теперь я сочла бы их проницательными. Лицо у него было суровое, но прятало доброту. Хорошенько меня разглядев, он наконец спросил:

– Отчего вы вчера заболели?

– Да упала она, – вновь вставила словечко Бесси.

– Упала! Как совсем маленькая? Что же, она ходить не научилась в ее-то возрасте? Ведь ей не меньше восьми, а то и девяти лет.

– Меня сбили с ног! – Вновь уязвленная гордость вырвала у меня эту правду. – Только заболела я не потому, – добавила я.

Мистер Ллойд взял из табакерки понюшку табака, потом он убрал табакерку в жилетный карман, и тут громкий звон колокольчика позвал прислугу обедать. Этот сигнал ему был известен.

– Идите-ка обедать, нянюшка, – сказал он, – а я до вашего возвращения поучу мисс Джейн уму-разуму.

Бесси предпочла бы остаться, но выбора у нее не было: в Гейтсхед-Холле к столу полагось являться минута в минуту.

– Но если вы заболели не от ушиба, так от чего же? – продолжал мистер Ллойд.

– Меня заперли в комнате с привидением, а уже совсем стемнело.

Мистер Ллойд улыбнулся и тотчас нахмурился:

– Привидение! Значит, вы все-таки совсем маленькая. Вы боитесь привидений?

– Призрака мистера Рида я боюсь. Он умер в той комнате и лежал там в гробу. Вечером туда никто не заходит – ни Бесси, ни кто-нибудь еще, если их не заставят. И было очень жестоко запереть меня там одну и даже без свечки, так жестоко, что, по-моему, мне этого никогда не забыть.

– Вздор! И поэтому вы расстраиваетесь? Вы боитесь и теперь, при свете дня?

– Нет, но ведь ночь снова настанет. И скоро. А несчастна я, очень несчастна, много еще из-за чего.

– Так из-за чего же? Можете вы назвать мне другие причины?

Как мне хотелось ответить на этот вопрос со всей полнотой! И как трудно оказалось найти хоть какой-то ответ! Дети способны чувствовать, но они не умеют анализировать свои чувства; а если немного разберутся в них, так не умеют выразить это в словах. Однако в страхе лишиться этого первого и единственного случая облегчить свое горе, поделившись им, я после минуты растерянного молчания кое-как умудрилась ответить, хоть и не подробно, но вполне правдиво:

– Ну, у меня ведь нет ни отца, ни матери, ни братьев, ни сестер.

– Зато у вас есть добрая тетюшка и ваши кузины и кузен.

Вновь я помолчала, а затем выпалила:

– Но Джон Рид сшиб меня с ног, а тетя заперла в Красной комнате.

Мистер Ллойд вторично достал табакерку.

– Неужели вы не думаете, что Гейтсхед-Холл очень красивый? – спросил он. – Неужели не благодарны за то, что живете в таком прекрасном доме?

– Это ведь не мой дом, сэр, а Эббот говорит, что у меня меньше права жить в нем, чем у судомойки.

– Пф! Вы ведь не глупенькая и не захотите расстаться с таким чудесным местом!

– Будь мне куда уехать, так я была бы рада расстаться с ним, но мне придется жить в Гейтсхед-Холле, пока я не вырасту.

– Может быть, и не придется, кто знает? Есть у вас родственники кроме миссис Рид?

– Думаю, нет, сэр.

– А по отцу?

– Не знаю. Один раз я спросила тетушку Рид, а она ответила, что, возможно, у меня и есть бедные родственники по фамилии Эйр, из самых простых, но ей о них ничего не известно.

– Если бы у тебя были такие родственники, ты бы захотела уехать к ним?

Я задумалась. Бедность отталкивает взрослых, но куда более отталкивающей она кажется детям. Они ничего не знают о почтенной бедности, трудолюбивой и добродетельной. Для них это слово связано только с лохмотьями, скудной едой, холодным очагом, грубыми манерами и грязными гадкими привычками. Для меня бедность была синонимом унижительной нищеты.

– Нет, мне не хотелось бы жить у бедных людей, – ответила я.

– Даже будь они добры к вам?

Я покачала головой. Как бедняки могут быть добрыми к кому-то? И ведь мне пришлось бы научиться говорить, как они, перенять их манеры, остаться необразованной, а потом стать такой, как те бедные женщины в деревне Гейтсхед, которых я иногда видела у дверей их домишек, когда они нянчили младенцев или стирали, – нет, мне не хватило бы героизма получить свободу ценой утраты своей касты.

– Но разве ваши родственники так уж бедны? Они, наверное, трудятся?

– Не знаю. Тетушка Рид говорит, что если у меня они и есть, так, конечно, одни только нищие. А мне бы не хотелось просить милостыню.

– А в школе вам учиться не хотелось бы?

Я снова задумалась. О школах понятие у меня было самое смутное. По словам Бесси выходило, что это такое место, где юные барышни сидят в колодках, ходят с привязанными к спине досками и обязаны вести себя со строжайшей благовоспитанностью. Джон Рид ненавидел свою школу и всячески поносил ее директора, однако вкусы Джона Рида не были для меня законом, а если сведения Бесси о школьной дисциплине (почерпнутые из рассказов барышень, в чьем доме она служила до Гейтсхед-Холла) и внушали некоторый ужас, ее описания плодов образования тех же барышень казались мне удивительно заманчивыми. Она хвастала тем, как прекрасно они умеют рисовать пейзажи и цветы, как чудесно поют романсы и играют на фортепьяно. А какие кошелечки они вяжут и еще читают книги по-французски! Я слушала, и во мне пробуждалось желание научиться всему этому. Кроме того, школа подразумевала полную перемену во всем: долгую поездку, полный разрыв с Гейтсхедом, начало совсем новой жизни.

– Да, учиться в школе мне очень хотелось бы!

– Ну-ну, кто знает, что может случиться? – сказал мистер Ллойд, вставая. – Девочка нуждается в перемене воздуха и обстановки, – добавил он сам себе. – Нервы не в очень хорошем состоянии.

Тут вернулась Бесси, а снизу донесся шум подъезжающей кареты.

– Вернулась ваша госпожа, нянюшка? – спросил мистер Ллойд. – Я хотел бы поговорить с ней перед уходом.

Бесси проводила его в малую столовую. Судя по дальнейшему, я полагаю, что в этом разговоре с миссис Рид аптекарь взял на себя смелость порекомендовать, чтобы меня отдали в пансион, и этот совет был, очевидно, принят весьма охотно. Во всяком случае, когда несколько дней спустя они с Бесси обсуждали эту тему за шитьем в детской, полагая, что я давно уснула, Эббот сказала:

– Хозяйка, сдастся мне, только рада избавиться от такой несносной скверной девчонки, которая всегда будто следит за всеми и замышляет пакости.

В глазах Эббот я, видимо, была кем-то вроде Гая Фокса в детском платье.

Из той же беседы мисс Эббот с Бесси я впервые узнала, что мой отец был бедным священником, что моя мать вышла за него замуж против воли своих родителей, считавших, что он ей неровня, и что мой дед Рид, разгневанный ее непокорностью, не дал за ней ни шиллинга, и что через год после их свадьбы мой отец заразился тифом, навещая бедняков своего прихода в большом фабричном городе, где тогда свирепствовала эта болезнь, а моя мать заразилась от него, и они оба умерли в один месяц.

Бесси, выслушав этот рассказ, вздохнула и сказала:

– Бедную мисс Джейн надо бы жалеть, Эббот!

– Да, – отозвалась Эббот, – будь она хорошей, милой девочкой, как было бы не пожалеть сиротку, да только не такую, не маленькую жабу!

– Верно, верно, – согласилась Бесси. – Уж конечно, красоточку, вроде мисс Джорджианы, было бы на ее месте куда жалче.

– Да уж! Я в мисс Джорджиане души не чаю! – пылко вскричала Эббот. – Вот уж душечка! Локончики длинные, глазки синие, и вся такая розовенькая и беленькая... Бесси, я бы поужинала гренками, поджаренными с сыром.

– И с луком! Пойдем-ка на кухню.

И они ушли.

Глава 4

Мой разговор с мистером Ллойдом и вышеизложенная беседа Эббот и Бесси настолько меня ободрили, что у меня появилось желание выздороветь: перемена была близка – я жаждала и ждала ее в молчании. Однако она все не наступала и не наступала: проходили дни, недели, ко мне вернулось обычное здоровье, но о том, на чем сосредотачивались все мои мысли, больше не было ни слова. Миссис Рид по временам мерила меня суровым взглядом, но редко одаривала хотя бы одной фразой. После моей болезни она еще больше отделила меня от собственных детей: распорядилась, чтобы мою кровать переставили в чуланчик, чтобы я ела в одиночестве и не выходила из детской, пока они проводили время в гостиной. Однако она ни намеком не обмолвилась о том, что собирается отправить меня в школу. Тем не менее я инстинктивно чувствовала, что она не намерена больше терпеть мое присутствие под своим кровом, – ведь теперь ее взгляд, когда был обращен на меня, еще больше, чем раньше, говорил о глубочайшей и неискоренимой антипатии.

Элиза и Джорджиана, несомненно по указанию маменьки, почти не разговаривали со мной вовсе, а Джон, едва увидев меня, корчил презрительные гримасы и как-то раз вознамерился снова дать волю кулакам, однако я тотчас оказала ему отпор, движимая тем же мятежным отчаянным гневом, за который уже заплатила так дорого. Поэтому он счел за благо воздержаться и бросился прочь, сыпля бранью и клянясь, что я разбила ему нос. Я действительно обрушила на эту выступающую часть его лица удар такой силы, на какую был способен мой кулачок. А я, заметив, как этот удар, а может быть, и весь мой вид напугали его, вознамерилась было завершить свою победу, но он уже удрал к маменьке. Я слышала, как он, хныча, принялся плести историю о том, что «эта противная Джейн Эйр» набросилась на него, точно взбесившаяся кошка, но был довольно резко оборван:

– Не говори со мной о ней, Джон. Я же велела тебе не подходить к ней близко. Она недостойна того, чтобы ее замечали. Я не желаю, чтобы ты или твои сестры общались с ней.

И тут, перегнувшись через перила, я внезапно закричала, не выбирая слов:

– Это они недостойны общаться со мной!

Миссис Рид была довольно дородной женщиной, но, услышав это неожиданное и дерзкое заявление, она взбежала по лестнице стремительно, точно смерч, увлекла меня в детскую, втолкнула в чуланчик, опрокинула на кровать и выразительнейшим голосом заявила, чтобы до конца дня я не смела вставать с этого места, а если произнесу хоть слово...

– Что сказал бы вам дядя Рид, будь он жив? – крикнула я почти против воли. Я говорю «почти против воли», потому что мой язык произносил эти слова сам, без моего участия: во мне что-то кричало, над чем у меня не было власти.

– Как так? – проговорила миссис Рид еле слышно. В обычно холодных спокойных глазах мелькнул почти страх. Она отдернула руку от моего плеча и уставилась на меня, словно не понимая, ребенок ли я или демон. Мне уже нечего было терять.

– Мой дядя Рид на небесах и знает все, что вы делаете и думаете, и мои папенька с маменькой тоже. Они знают, как вы запираете меня одну на весь день и как вы хотите, чтобы я умерла!

Миссис Рид быстро овладела собой. Она сильно встряхнула меня за плечи, надавала пощечин, а затем ушла, не произнеся больше ни слова. Впрочем, этот пробел вскоре восполнила Бесси, читая мне нотацию битый час и неопровержимо доказывая, что такой дрянной и бесстыжей девчонки свет не видывал. Я наполовину ей поверила – ведь в груди у меня бурлили только дурные чувства.

Ноябрь, декабрь и половина января остались позади. Рождество и Новый год праздновались в Гейтсхед-Холле со всем положенным весельем: обмен подарками, званые обеды, званые

вечера. Разумеется, меня ничто это не касалось. Моя доля праздничных развлечений истощивалась каждодневным наблюдением, как Элиза и Джорджиана тщательно завивают локоны и одеваются для гостей. Потом я смотрела, как они в кисейных платьях, перепоясанных алыми кушачками, спускаются в гостиную. А потом я прислушивалась к доносившимся снизу звукам рояля или арфы, к шагам дворецкого и лакея, к позвякиванию хрусталя и фарфоровой посуды, к гулу голосов, который возникал, едва дверь в гостиную отворяли, и тут же обрывался, едва ее закрывали. Когда это занятие мне приедалось, я уходила с лестничной площадки в пустую безмолвную детскую. Там, хотя мне и бывало грустно, несчастной я себя не чувствовала. Правду сказать, мне вовсе не хотелось бы оказаться в обществе гостей – ведь все равно меня бы никто не замечал. И будь бы Бесси поласковой, подружелюбнее, я сочла бы за счастье тихонько коротать вечера с ней, а не проводить их под грозным взглядом миссис Рид в комнате, полной нарядных дам и джентльменов. Однако Бесси, едва кончив одевать своих барышень, удалялась в оживленную часть дома – в кухню или в комнату экономки, причем обычно уносила с собой свечу. А я сидела с куклой на коленях, пока огонь в камельке не угасал, иногда поглядывая по сторонам и убеждаясь, что над сумрачной комнатой тяготеет только мое присутствие и в ее тених не прячется ничего похуже. А когда в камельке оставалась лишь кучка тускло-красных углей, я торопливо раздевалась, дергая тесемки, распутывая узлы, и искала приюта от холода и темноты в моем чуланчике. С собой в постель я всегда брала мою куклу. Людям необходимо любить кого-то, а мне некому было отдать свою привязанность, и я научилась находить радость, любя и лелея облезлое подобие, жалкое, как миниатюрное пугало. Теперь, вспоминая, я не могу понять ту нелепую искренность, с какой я обожала эту игрушку, наполовину веря, что она живая и способна чувствовать. Заснуть я была способна, только завернув ее в складки моей ночной рубашки, и когда она лежала у меня за пазухой в тепле и безопасности, я чувствовала себя относительно счастливой, убежденная, что и она счастлива.

Как долго тянулись часы, пока я ждала, чтобы гости разъехались и на лестнице послышались бы шаги Бесси! Случалось, она заглядывала в детскую и раньше в поисках наперстка или ножниц или же даже приносила мне какое-нибудь лакомство – булочку с изюмом, сырненький пирожок. И пока я ела, она сидела на краю кровати, а потом закутывала меня в одеяла. А два раза так даже поцеловала и сказала: «Спокойной ночи, мисс Джейн». Когда Бесси бывала такой ласковой, она казалась мне самым лучшим, самым красивым и добрым существом на свете, и как страстно мне хотелось, чтобы она всегда была такой милой и доброжелательной и никогда бы не отмахивалась от меня, не бранила, не мучила незаслуженными упреками, как было у нее в обыкновении. Бесси Ли, мне кажется, была очень способной от природы и все делала умело, а к тому же обладала незаурядным даром рассказчицы – то есть насколько я могу судить по впечатлению, какое производили на меня тогда ее сказки в детской. И она была очень миловидной, если мои воспоминания о ее внешности верны. Помню я ее тоненькой девушкой, с черными волосами, темными глазами, приятными чертами и свежим цветом лица. Однако характер у нее был неровный и вспыльчивый, а понятие о принципах и справедливости – самое относительное. Но какова бы она ни была, я предпочитала ее всем остальным обитателям Гейтсхед-Холла.

Пятнадцатого января часов около девяти утра Бесси спустилась в кухню позавтракать. Моих кузин еще не позвали к маменьке, и Элиза надевала капор и теплый простой салопчик, чтобы пойти кормить своих кур – ей очень нравилось это занятие, а еще больше – продавать яйца от них экономке, пополняя свои сбережения. Ее отличали деловая жилка и очень заметное скопидомство, находившее выражение не только в продаже яиц и цыплят, но и в умении содрать с садовника самую высокую цену за цветочные клубни, семена и рассаду. Миссис Рид приказала ему покупать у барышни все продукты ее цветника, которые она пожелает продать, а Элиза продала бы даже волосы со своей головы, сули ей эта сделка солидную прибыль. Свои деньги она вначале прятала по укромным уголкам, завернув в тряпочку или в старую бумагу

для папильоток. Однако горничная нередко находила ее тайнички, и Элиза, опасаясь, как бы в один прекрасный день не лишиться заветных сокровищ, согласилась отдать накопленные деньги маменьке в рост под ростовщические пятьдесят-шестьдесят процентов годовых, какие взыскивала каждые три месяца, с заботливым тщанием ведя им счет в записной книжечке.

Джорджиана, сидя на высоком табурете перед зеркалом, вплетала в локоны искусственные цветы и поблекшие перья, большой запас которых обнаружила в ящике на чердаке. Я стелила свою постель, так как Бесси строго-настрого приказала мне, чтобы к ее возвращению кровать была застелена. (Бесси теперь часто возлагала на меня обязанности младшей горничной – навести порядок в детской, стереть пыль со стульев и прочее.) Аккуратно сложив ночную рубашку и расправив покрывало, я подошла к диванчику в оконной нише, чтобы прибрать разбросанные на нем книжки с картинками и кукольную мебель. Однако Джорджиана резко прикрикнула, чтобы я не смела трогать ее игрушки (крохотные стульчики и зеркала, сказочно-миниатюрные тарелочки и чашечки принадлежали ей). Тогда, от нечего делать, я принялась дышать на узоры, которыми мороз расписал окно, протирая дырочку, чтобы выглянуть наружу, где все было сковано стужей. Из этого окна можно было увидеть сторожку и подъездную дорогу, и в то мгновение, когда я растопила дырочку в серебристо-белой листве на стекле, ворота распахнулись и в них въехала карета. Я смотрела, как она катит к подъезду, без всякого любопытства – кареты часто приезжали в Гейтсхед, но никогда не привозили посетителей, сколько-нибудь интересных для меня. Вот она остановилась у крыльца, громко зазвонил дверной колокольчик, гость вошел. Меня все это не касалось, и мое рассеянное внимание вскоре сосредоточилось на голодной малиновке, которая, щебеча, прыгала по голым веткам шпалерной вишни, прибитой к стене рядом с окном. На столе еще стояли остатки моего завтрака из хлеба с молоком. Я раскрошила корку и дергала раму, чтобы приоткрыть окно и высыпать крошки на подоконник, когда в детскую вбежала Бесси.

– Мисс Джейн, снимите фартучек... Что вы там делаете? Лицо и руки вы утром вымыли?

Прежде чем ответить, я дернула еще раз, потому что хотела, чтобы птичка получила свой завтрак. Рама поддалась, я высыпала крошки – часть на каменный подоконник снаружи, часть на сук вишни, – закрыла окно и лишь тогда сказала:

– Нет, Бесси. Я только сейчас кончила вытирать пыль.

– Неряшливая, непослушная девочка! Что вы тут затевали? Вон как покраснели, будто придумали гадкую шалость. А окно для чего открыли?

Отвечать мне не пришлось, так как Бесси было не до моих объяснений. Она торопливо потащила меня к умывальнику, беспощадно, но, к счастью, недолго намыливала мне лицо и руки и вытирала их грубым полотенцем. Привела в порядок мои волосы жесткой щеткой, сдернула с меня фартучек, вытащила на лестничную площадку и приказала немедленно спуститься в малую столовую, где меня ждут.

Я бы спросила, кто ждет, я бы потребовала узнать, там ли миссис Рид, но Бесси уже скрылась в детской и захлопнула дверь перед моим носом. Я медленно спустилась по лестнице. Уже почти три месяца я не видела миссис Рид, а после столь долгого заключения в детской гостиная, большая и малая столовые казались мне обителями ужаса, и я боялась в них вторгнуться. Робая и дрожа, я остановилась в пустой передней перед дверью в малую столовую. В какую жалкую дурочку превратил меня в те дни страх, порожденный несправедливым наказанием! Я страшилась вернуться в детскую и страшилась открыть дверь и войти. Десять минут я простояла так в мучительных колебаниях, но затем донесшийся из малой столовой яростный звон колокольчика заставил меня решиться. Выбора не было: я должна была войти.

«Кому я понадобилась? – спросила я мысленно, обеими руками поворачивая тугую дверную ручку, которая не сразу поддалась моим усилиям. – Кого я увижу рядом с тетушкой Рид? Мужчину? Женщину?» Ручка повернулась, дверь отворилась внутрь, я вошла, сделала низкий реверанс, подняла глаза и увидела... черную каменную колонну! Во всяком случае, так

мне померещилось в первое мгновение: на каминном коврике высилась прямая узкая фигура, облаченная в непроглядно черное. Суровое лицо вверх казалось каменной маской, заменяющей капитель.

Миссис Рид сидела на своем обычном месте у огня. Она сделала мне знак приблизиться, а затем представила меня каменной фигуре следующими словами:

– Вот девочка, по поводу которой я обратилась к вам.

Он – потому что это был мужчина – медленно повернул голову в мою сторону и, осмотрев меня инквизиторскими серыми глазами, которые поблескивали из-под пары кустистых бровей, произнес торжественно глубоким басом:

– Она выглядит маленькой. Сколько ей лет?

– Десять.

– Так много? – сказал он с сомнением и еще несколько минут продолжал осмотр. Затем спросил у меня: – Как тебя зовут, девочка?

– Джейн Эйр, сэр.

Произнеся эти слова, я посмотрела вверх. Он показался мне очень высоким джентльменом, но ведь я и правда была маленькой. Крупные черты лица, как и очертания его фигуры, выглядели равно суровыми и чопорными.

– Ну-с, Джейн Эйр, ты хорошая девочка?

Ответить на этот вопрос утвердительно было невозможно: в моем крохотном мирке все придерживались противоположного мнения. И я промолчала. За меня ответила миссис Рид, выразительно покачав головой. После чего она добавила:

– Пожалуй, чем меньше говорить на эту тему, мистер Брокхерст, тем лучше.

– Слышать это поистине грустно! Нам с ней необходимо немного побеседовать. – И, отклонившись от перпендикуляра, он опустился в кресло напротив миссис Рид. – Подойди сюда, – сказал он.

Я подошла, и он поставил меня перед собой столбиком. Его лицо теперь оказалось почти на одном уровне с моим, и что это было за лицо! Какой огромный нос! А рот! А большие торчащие зубы!

– Нет ничего печальнее, чем видеть нехорошее дитя, – начал он. – И особенно нехорошую маленькую девочку. Ты знаешь, куда плохие люди попадают после смерти?

– Они попадают в ад, – ответила я без запинки, как положено.

– А что такое ад? Ты можешь мне сказать?

– Яма, полная огня.

– А тебе хотелось бы упасть в эту яму и вечно гореть в ней?

– Нет, сэр.

– Что тебе следует делать, чтобы не попасть туда?

Я задумалась и ответила не слишком удачно:

– Я должна быть очень здоровой и не умереть.

– Как ты сумеешь оставаться здоровой? Дети меньше тебя годами умирают ежедневно. Всего лишь два дня назад я похоронил дитя пяти лет, хорошее дитя, чья душа теперь на небесах. Следует опасаться, что того же нельзя было бы сказать о тебе, будь ты призвана теперь.

Не имея возможности рассеять его сомнения, я только опустила взгляд на две огромные ступни, упертые в коврик, и вздохнула, от всей души желая очутиться где-нибудь далеко-далеко отсюда.

– Уповаю, это вздох из глубины сердца, и ты раскаиваешься в том, что причиняла огорчения своей превосходнейшей благодетельнице.

«Благодетельнице! Благодетельнице! – повторила я про себя. – Они все называют миссис Рид моей благодетельницей. Значит, “благодетельница” это что-то очень скверное».

– Ты молишься утром и вечером? – продолжался допрос.

– Да, сэр.

– Ты читаешь Библию?

– Иногда.

– С радостью? Ты любишь ее читать?

– Мне нравятся Откровение, и Книга Даниила, и Бытие, и Самуил, и кусочки Исхода, и некоторые части в Книгах Царств и в Паралипоменоне, а еще Иов и Исая.

– А псалмы? Уповаю, они тебе нравятся.

– Нет, сэр.

– Нет? Возмутительно! У меня есть сынок, моложе тебя годами, так он знает наизусть шесть псалмов, и когда его спрашивают, что он предпочтет: съесть имбирную коврижку или выучить стих псалма, он отвечает: «Стих псалма! Ангелы поют псалмы, – говорит он, – а мне хочется быть маленьким ангелом тут, внизу». И тогда он получает две коврижки в вознаграждение за свое младенческое благочестие.

– Псалмы совсем неинтересные, – заметила я.

– Это доказывает, что у тебя дурное сердце. И ты должна молиться Богу, чтобы Он его изменил, дал бы тебе новое, чистое, и взял бы твое каменное и дал тебе сердце плотяное.

Я было собралась спросить, как будет производиться операция по замене моего сердца, но тут миссис Рид приказала мне сесть и продолжила разговор сама:

– Мистер Броклхерст, в письме, которое я написала вам три недели назад, было, если не ошибаюсь, указано, что характер и наклонности этой девочки не таковы, какими мне хотелось бы их видеть, и если вы примете ее в Ловудскую школу, то я прошу, чтобы директрисе и учительницам было указано строго следить за ней и, главное, остерегаться ее худшего недостатка – склонности обманывать. Я упоминаю об этом в вашем присутствии, Джейн, чтобы ты не вздумала вводить мистера Броклхерста в заблуждение.

Да, не напрасно я боялась миссис Рид, не напрасно ее не любила – в ее натуре было наносить мне жестокие раны. Никогда я не чувствовала себя спокойно в ее присутствии: какой бы послушной я ни старалась быть, сколько бы усилий ни прилагала, чтобы угодить ей, любые мои попытки отвергались и вознаграждались фразами вроде приведенной выше. Это обвинение, произнесенное в присутствии незнакомого человека, поразило меня в самое сердце. Я смутно поняла, что она уже лишила всякой радости новое существование, которое мне предназначила. Я почувствовала, хотя и не сумела бы выразить этого словами, что она сеет отвращение и недоверие на моем будущем пути. Я увидела, как превращаюсь в глазах мистера Броклхерста в хитрую злокозненную лгунью. А как я могу исправить причиненный мне вред?

«Никак! Никак!» – думала я, пытаюсь подавить рыдание и поспешно утирая слезы, свидетельство моей горькой беспомощности.

– Склонность обманывать – поистине прискорбнейший недостаток, какой только может быть у ребенка, – сказал мистер Броклхерст. – Эта склонность сродни лжи, а все лжецы получают по делам своим в озере огненном и серном. О, за ней последят, миссис Рид! Я поговорю с мисс Темпл и учительницами.

– Мне бы хотелось, чтобы ее воспитали, как того требует ее положение, – продолжала моя благодетельница, – научили быть полезной, наставили в смирении. Что до каникул, то, с вашего дозволения, она будет проводить их в Ловуде.

– Ваши пожелания весьма мудры, сударыня, – ответил мистер Броклхерст. – Смирение – наихристианнейшая добродетель, особенно приличествующая ловудским ученицам, а посему я постоянно требую особого внимания к тому, чтобы они росли в смирении. Я настойчиво искал способ умерщвлять в них суетную гордыню и совсем недавно получил приятнейшее доказательство, что преуспел в этом. Моя вторая дочь, Августа, поехала со своей матерью навещать школу, и, вернувшись, она вскричала: «Ах, милый папенька, какими тихими дурнушками выглядят все девочки в Ловуде! С волосами, гладко зачесанными за уши, в этих длинных

фартучках и с такими забавными холщовыми сумочками поверх платья они очень похожи на бедных детей. И, – добавила она, – на нас с маменькой они смотрели так, будто никогда прежде не видели шелковых платьев!»

– От всего сердца одобряю это, – подхватила миссис Рид. – Обыщи я хоть всю Англию, то не нашла бы системы воспитания, словно созданной именно для такой девочки, как Джейн Эйр. Последовательность, любезный мистер Броклхерст, я рекомендую последовательность во всем.

– Последовательность, сударыня, – первейший долг христианина, и в Ловудской школе она соблюдается во всем: простая пища, простая одежда, никаких излишеств ни в чем, ни малейшей изнеженности и деятельное прилежание – таковы порядки в школе, обязательные для всех учениц.

– Прекрасно, сэр. Следовательно, я могу надеяться, что эту девочку примут в Ловуд и воспитают в соответствии с ее положением в настоящем и будущем?

– О да, сударыня! Она будет помещена в этот питомник избранных растений и, уповаю, покажет себя благодарной за эту величайшую привилегию.

– В таком случае я отправлю ее туда как можно скорее, мистер Броклхерст, так как, поверьте, я не чаю снять с себя ответственность, которая стала слишком тяжелой.

– Без сомнения, без сомнения, сударыня. А теперь разрешите пожелать вам хорошего утра. В Броклхерст-Холл я вернусь через неделю-другую: мой добрый друг архидиакон не отпустит меня раньше. Я извещу мисс Темпл о приеме новенькой, так что ее будут ожидать в Ловуде, и никаких недоразумений не произойдет. До свидания.

– До свидания, мистер Броклхерст, кланяйтесь от меня миссис и мисс Броклхерст, а также Августе и Теодоре и мастеру Бротону Броклхерсту.

– С величайшим удовольствием, сударыня. Девочка, вот тебе книга «Наставления детям». Читай ее с молитвой, а особенно «Рассказ об ужасной в своей внезапности смерти Марты Д., нехорошей девочки, склонной ко лжи и обману».

С этими словами мистер Броклхерст вложил мне в руку тоненькую брошюру и, позвонив, чтобы подали его карету, удалился.

Мы с миссис Рид остались вдвоем. Несколько минут прошли в молчании: она шила, я смотрела на нее. В то время миссис Рид было лет тридцать шесть – тридцать семь: женщина плотного сложения с квадратными плечами, невысокая и хотя дородная, но не толстая и обрюзглая. Относительно широкое лицо с чуть выдающейся вперед нижней челюстью. Низкий лоб, тяжелый торчащий подбородок, рот и нос достаточно правильные. Под светлыми бровями поблескивали безжалостные глаза. Кожа смуглая и грубоватая, волосы – почти льняные.

Ее отличало крепкое здоровье: она не знала, что такое болезни. Дела свои она вела умело и умно, прислугу и фермеров-арендаторов держала в ежовых рукавицах, и только ее дети иногда решались ей противоречить. Одевалась она хорошо, обладала величавой осанкой и держалась так, что ее туалеты выглядели особенно выгодно.

Сидя на скамеечке в нескольких шагах от нее, я разглядывала ее фигуру, вглядывалась в черты ее лица. Моя рука сжимала брошюру с описанием внезапной смерти лгуньи, которое мне велели прочесть в назидание. То, что произошло несколько минут назад, то, что миссис Рид сказала обо мне мистеру Броклхерсту, общий тон их разговора – все это жгло и терзало меня, точно кровоточащая рана. Я ведь ясно слышала каждое слово, и каждое больно меня язвило. Теперь же во мне закипало возмущение.

Миссис Рид подняла голову от шитья, ее взгляд остановился на мне, пальцы замерли.

– Выйди вон, вернись в детскую, – таков был ее приказ.

Видимо, выражение моего лица или еще что-то показалось ей оскорбительным, так как отдала она этот приказ с крайним, хотя и сдерживаемым раздражением. Я встала, я направи-

лась к двери, я повернула обратно, я прошла через всю комнату до окна, а потом приблизилась к ней.

Мне необходимо было выговориться: меня так попрали, что я должна была восстать. Какими силами я обладала, чтобы ответить ударом на удар моей противницы? Я собрала их все и вложила вот в такую жгучую тираду:

– Я не склонна к обману, не то бы я сказала, будто люблю вас, а я говорю прямо, что не люблю вас. Я ненавижу вас больше всех на свете, если не считать Джона Рида. А эту книжку про лгунью лучше отдайте своей Джорджиане, потому что лжет она, а не я.

Руки миссис Рид все еще бездеятельно лежали на ее шитье, ее глаза, как два куска льда, по-прежнему были морозяще устремлены в мои.

– У тебя есть что сказать еще? – спросила она тоном, каким обращаются к взрослому врагу, а не к ребенку.

Эти ее глаза, этот ее голос подлили масла в огонь моей ненависти. Содрогаясь с головы до ног, вся во власти иступленного возбуждения, я продолжала:

– Я рада, что вы мне не родственница, и никогда больше я не назову вас тетей, до самой смерти не назову! А когда вырасту, ни разу вас не навещу. А если кто-нибудь меня спросит, любила ли я вас и как вы со мной обходились, я отвечу, что мне делается тошно от мысли о вас, что обходились вы со мной жестоко и бессердечно.

– Как ты смеешь утверждать такое, Джейн Эйр?

– Как смею, миссис Рид? Как смею? Да потому, что это чистая правда. Вы считаете меня бесчувственной, полагаете, будто я не нуждаюсь хоть в капельке любви или доброты, но я так жить не могу, а в вас нет жалости. Я не забуду, как вы втолкнули меня... грубо и беспощадно втолкнули меня назад в Красную комнату и заперли там, – до смертного часа не забуду. Хотя я изнемогала, хотя я кричала, задыхаясь от отчаяния: «Сжальтесь! Сжальтесь, тетя Рид!» И этому наказанию вы меня подвергли потому лишь, что ваш скверный сынок ударил меня, сбил с ног ни за что ни про что. Вот что я буду говорить всем, кто меня спросит. Люди считают вас хорошей женщиной, но вы скверная, бессердечная! Это вы обманываете и лжете!

Я еще не договорила, а моя душа уже воспрянула, возликовала от неведомого мне прежде ощущения вольности и торжества. Будто распались невидимые оковы и я вырвалась на свободу, о чем не смела даже мечтать. И для этого чувства были основания: миссис Рид выглядела испуганной, шитье соскользнуло с ее коленей, она раскачивалась, подняв перед собой ладони, а лицо у нее сморщилось, словно она готова была заплакать.

– Джейн, ты в заблуждении. Что с тобой? Почему ты так дрожишь? Дать тебе воды?

– Не надо, миссис Рид.

– Может быть, ты чего-нибудь хочешь, Джейн? Поверь, я желаю быть тебе другом.

– Нет! Вы наговорили мистеру Броклхерсту, что у меня дурной характер, что я обманщица; и я всем в Ловуде расскажу, какая вы и что вы творили.

– Джейн, ты просто не понимаешь. Детей необходимо отучать от их дурных привычек.

– Обманывать – не моя привычка! – крикнула я отчаянным пронзительным голосом.

– Но ты не умеешь сдерживаться, Джейн, согласишься. А теперь вернись в детскую, будь милочкой и ненадолго приляг.

– Я для вас не милочка и прилечь не хочу! Поскорее отошлите меня в школу, миссис Рид, потому что мне невыносимо жить здесь.

– Да, я отошлю ее в школу без промедления, – пробормотала миссис Рид про себя и, подняв шитье, быстро вышла из комнаты.

Я осталась там одна – победительницей на поле брани. Это была самая отчаянная битва в моей жизни и моя первая победа. Некоторое время я стояла на коврикe, где совсем недавно стоял мистер Броклхерст, и в одиночестве наслаждалась своим триумфом. Вначале я улыбалась и испытывала гордое упоение. Но эта жгучая радость угасла во мне с той же быстротой,

с какой замедлилось бурное биение сердца. Ребенок, восставая на взрослых, как восстала я, дав полную волю своим возмущенным чувствам, неминуемо испытывает потом уколы сожаления, и знобящая дрожь сменяет недавний жар. Пламя, бушующее на гряде вересковых холмов, живое, стремительное, всепожирающее, – вот чему можно было бы уподобить мой гнев, пока я обличала миссис Рид и угрожала ей; та же гряда, почерневшая, оголенная после того, как пламя погасло, столь же верно символизировала бы мое душевное состояние, когда полурасовые размышления в гробовой тишине показали мне все безумие моего поведения, всю тягостность моего положения ненавидимой и ненавидящей.

Впервые я извела вкус мщения; пока я им упивалась, оно было точно душистое вино – теплым и пьянящим. Но оставшийся от него металлический едкий привкус вызывал у меня ощущение, будто я хлебнула отравы. С какой охотой пошла бы я попросить прощения у миссис Рид! Но я знала, отчасти по опыту, отчасти инстинктивно, что она лишь оттолкнет меня с удвоенным презрением, чем вновь пробудит всю бурность моей натуры.

Я бы с радостью нашла в своем сердце что-нибудь кроме яростных обвинений, с радостью отыскала бы пищу для менее дьявольского чувства, чем угрюмое негодование. Я взяла книгу – какие-то арабские сказки. Села и попыталась читать. Но не понимала смысла ни единой строки; мои мысли заслоняли страницы, которые обычно завораживали меня. Затем я открыла дверь в сад. Там не гнулась ни единая ветка. Все сковала стужа, не поддававшаяся ни солнцу, ни ветру. Я накинула на голову и плечи подол платья и вышла пройтись в уединении рощи, но меня не утешили безмолвные деревья, падающие еловые шишки, смерзшиеся останки осени – бурые листья, сметенные давними ветрами в кучи и теперь спаянные воедино. Я прислонилась к калитке и посмотрела на пустынный луг, где уже не паслись овцы и короткая, ошипанная почти до корней трава серебрилась инеем. День был беспросветно серым, хмурое небо обещало метель. Уже иногда редкие снежные хлопья ложились на твердую землю тропинки, на поседлый луг и не таяли. Я стояла, несчастная маленькая девочка, и шептала снова и снова: «Что мне делать? Что мне делать?»

Внезапно я услышала звонкий голос:

– Мисс Джейн! Где вы? Идите завтракать!

Я знала, что меня зовет Бесси, но не шевельнулась. Ее легкие шаги приближались по тропинке.

– Гадкая вы девочка! – сказала она. – Почему вы не идете, когда вас зовут?

Появление Бесси отвлекло меня от тяжелых мыслей и обрадовало, хотя она, по обыкновению, сердилась на меня. Но после того как я дала отпор миссис Рид и взяла над ней верх, преходящее неудовольствие няньки меня не особенно трогало, зато мне хотелось погреться в лучах ее молодой беззаботной бодрости. И я просто обняла ее обеими руками, говоря:

– Бесси, не бранись, пожалуйста!

Никогда прежде я не решалась на такие прямые и бесстрашные поступки, и почему-то ей мое поведение пришлось по вкусу.

– Странная вы девочка, мисс Джейн, – сказала она, глядя на меня с высоты своего роста. – Такая одинокая и непоседливая. А вас в школу отправляют?

Я кивнула.

– И вам не жалко покинуть бедную Бесси?

– А что я для Бесси? Она ведь все время меня бранит.

– Так вы же такая странная, напуганная и робкая малышка! Вам надо быть посмелее.

– Да? Чтобы получать больше тумаков?

– Глупости! Хотя с вами могли бы обходиться и помягче, это верно. Моя матушка сказала, когда навещала меня на прошлой неделе, что не хотела бы, чтобы кто-нибудь из ее младшеньких оказался на вашем месте. А теперь пойдемте домой, у меня для вас хорошая новость.

– Откуда ей быть, Бесси?

– Деточка, о чем это вы? И какими грустными глазками на меня смотрите! Так вот: хозяйка с барышнями и мастером Джоном уезжают чай пить в гости, а вы будете пить чай со мной. Я попрошу кухарку испечь вам пирожок, а потом вы мне поможете разобрать ваши ящики. Мне ведь скоро надо будет уложить все нужное в сундучок. Хозяйка хочет, чтобы вы уехали через день, много два, так вам надо выбрать, какие игрушки взять с собой.

– Бесси, обещай, что больше не будешь меня бранить. До самого моего отъезда.

– Ну ладно. Только помните, вы очень хорошая девочка, и не надо меня бояться. И не вздрагивайте, если я и прикрикну, не то трудно бывает удержаться.

– Наверное, я вас больше никогда не буду бояться, Бесси, потому что я к вам привыкла. А скоро мне надо будет бояться совсем других людей.

– Будете их бояться, так они вас невзлюбят.

– Как и ты меня невзлюбила, Бесси?

– Вот уж нет, мисс. Думается, я к вам привязана куда больше, чем к остальным.

– Только не показываешь этого.

– До чего же вы умненькая! И разговариваете совсем по-новому. Чего это вы вдруг стали такой смелой и настойчивой?

– Так я же скоро уеду от всех вас, а еще...

Я было собралась упомянуть о том, что произошло между мною и миссис Рид, но тут же передумала, решив, что об этом лучше промолчать.

– Так, значит, вы рады от меня уехать?

– Да вовсе нет, Бесси. Сейчас мне вроде бы даже грустно.

– «Сейчас» и «вроде бы»! До чего же холодно моя маленькая барышня сказала это! Думается, попроси я сейчас, чтобы вы меня поцеловали, так вы скажете, что вроде бы не надо.

– Я тебя с радостью поцелую. Только нагни голову.

Бесси нагнулась, мы поцеловались, и я пошла за ней в дом совсем утешенная. Остаток дня прошел среди мира и гармонии, а вечером Бесси рассказывала мне самые занимательные свои истории и пела самые лучшие свои песни. Даже и в моей жизни порой светило солнце.

Глава 5

Едва утром девятнадцатого января часы пробили пять, как Бесси вошла в мою каморку со свечкой, но я уже встала и почти оделась. Проснувшись за полчаса до ее прихода, я умылась и начала одеваться при свете заходящего молодого месяца, лучи которого падали на оконце. В этот день мне предстояло покинуть Гейтсхед с дилижансом, который проезжал мимо ворот усадьбы в шесть часов утра. На ногах в доме была только одна Бесси. Она уже развела огонь в камельке детской и собрала мне завтрак. Редкий ребенок сумеет проглотить хоть кусочек, когда его мысли заняты предстоящим путешествием, и я не составила исключения. Бесси напрасно старалась заставить меня выпить несколько глотков молока, которое она для меня согрела, и съесть ломтик хлеба. Тогда она завернула в бумагу несколько сухариков и положила в мою сумку, потом помогла мне надеть салопчик и капор, накинула себе на плечи шаль, и мы вышли из детской. Когда мы поравнялись с дверью в спальню миссис Рид, Бесси спросила:

– А вы не зайдете попрощаться с хозяйкой?

– Нет, Бесси. Вчера, когда ты уходила ужинать, она зашла в мою каморку и сказала, чтобы утром я не тревожила ни ее, ни кузин, а еще велела мне помнить, что всегда была моим лучшим другом и я должна говорить о ней только так и быть ей благодарной.

– А вы что ответили, мисс?

– Ничего, натянула одеяло на лицо и отвернулась к стене.

– Не надо было так делать, мисс.

– Нет, надо, Бесси. Твоя хозяйка никогда не была моим другом, она была моим врагом.

– Ох, мисс Джейн, не говорите так!

– Прощай, Гейтсхед! – воскликнула я, когда мы миновали прихожую и вышли на крыльцо.

Месяц зашел, было очень темно. Бесси держала фонарь, и его лучи скользили по мокрым ступенькам и подъездной дороге, размокшей, так как началась оттепель. Промозглым, знобким было это зимнее утро, от холода у меня стучали зубы, когда я торопливо шагала к воротам. Окно сторожки светилось, и, войдя, мы увидели, что жена привратника затапливает очаг. Мой сундучок, который принесли сюда накануне, стоял у двери, аккуратно обвязанный веревкой. До шести оставалось лишь несколько минут, а когда часы пробили, очень скоро издалека донесся стук колес, возвещавший прибытие дилижанса. Я встала у двери и смотрела на его фонари, быстро приближающиеся сквозь сумрак.

– Она одна едет? – спросила жена привратника.

– Да.

– И далеко это?

– Пятьдесят миль.

– Далеконько! Как это миссис Рид не боится отпустить ее одну в такую даль?

Дилижанс остановился у ворот – запряженный четверней, с пассажирами на крыше. Кондуктор и кучер громогласно торопили нас. Мой сундучок погрузили, меня оторвали от Бесси, которую я осыпала поцелуями.

– Вы уж присмотрите за ней! – крикнула она кондуктору, когда тот посадил меня внутрь.

– Ладно! – последовал ответ, дверца захлопнулась, раздался крик: «Трогай!» – и мы покатили.

У меня почти не сохранилось воспоминаний об этой поездке. Знаю только, что день показался мне нескончаемо длинным и мы словно проехали сотни и сотни миль. Мы миновали несколько городков, а в одном, очень большом, остановились, лошадей выпрягли, и пассажиры вышли, чтобы пообедать в гостинице. Кондуктор отвел меня туда и хотел, чтобы я поела, но у меня совсем не было аппетита, и он оставил меня одну в огромной зале с камином в каждом

конце, со свисающей с потолка люстрой и маленькими красными хорами на стене, где виднелись музыкальные инструменты. Я долго бродила по этой зале, чувствуя себя очень непривычно и смертельно боясь: вот-вот кто-то войдет и украдет меня. Ведь я верила в похищение детей: в рассказах Бесси у камелька такое случалось очень часто. Наконец кондуктор вернулся, и я была вновь водворена в дилижанс, мой хранитель занял свое место, дунул в рожок, и мы загромыхали «по улице мощеной» города Л.

Сырой туманный день перешел в сырые туманные сумерки, и я почувствовала, что Гейтсхед правда остался далеко-далеко позади. Теперь на нашей дороге уже не попадались городки, пейзаж изменился, впереди вздымались огромные серые холмы. Когда совсем стемнело, мы спустились в лесистую долину, где царил почти полный мрак, но когда все вокруг поглотила ночь, я еще долго продолжала слышать посвист буйного ветра в древесных ветвях.

Убаюканная этим звуком, я наконец уснула, но вскоре меня разбудил толчок: дилижанс остановился, дверца открылась, возле нее стояла женщина, одетая как прислуга. Свет фонаря ложился на ее лицо и одежду.

– Тут есть девочка по имени Джейн Эйр? – спросила она.

И я ответила:

– Да.

Меня вновь высадили наружу, мой сундучок сняли с крыши, и дилижанс тотчас покатиł дальше.

От долгого сидения у меня затекло все тело, а в голове мутилось от топота копыт, скрипа и покачивания кузова. Стряхивая с себя оцепенение, я посмотрела вокруг. Тут царили дождь, ветер и тьма, тем не менее я различила перед собой каменную ограду и калитку в ней. Моя новая проводница вошла со мной в калитку, закрыла и заперла ее за собой. Теперь я увидела дом – а может быть, и не один, так как здание было очень длинным со множеством окон. Кое-где в них мерцали огоньки. Мы свернули на широкую, залитую дождем дорожку, посыпанную гравием, и вошли в какую-то дверь. Моя проводница провела меня по длинному коридору в комнату с пылавшим камином и оставила там одну.

Я постояла у камина, согревая замерзшие пальцы, а потом огляделась. Ни одной свечи не горело, однако в неверном свете огня мне мало-помалу удалось рассмотреть оклеенные обоями стены, ковер, гардины, поблескивающую мебель красного дерева. Это была гостиная, не такая большая и великолепная, как парадная гостиная в Гейтсхеде, но достаточно уютная. Я пыталась понять сюжет картины на стене, когда дверь отворилась и кто-то вошел со свечой. За первой фигурой появилась вторая.

Первой вошла высокая дама, темноволосая, темноглазая, с высоким бледным лбом. Она куталась в шаль, но держалась очень прямо и строго.

– Такую маленькую девочку не следовало отправлять в дорогу одну, – сказала она и поставила свечу на стол. Минуты две она внимательно меня разглядывала, а потом добавила: – Ее лучше уложить поскорее спать, у нее очень усталый вид. Ты устала? – спросила она, положив ладонь мне на плечо.

– Немножко, сударыня.

– И разумеется, голодна. Пусть она поужинает, мисс Миллер, прежде чем вы ее уложите. Ты в первый раз рассталась с родителями, чтобы учиться в школе, деточка?

Я объяснила, что родителей у меня нет. Она спросила, давно ли они умерли, сколько мне лет, как меня зовут, умею ли я читать, писать и немного шить. Потом ласково погладила меня по щеке указательным пальцем и отослала с мисс Миллер, выразив надежду, что я буду «хорошей девочкой».

Ей могло быть лет двадцать девять, а мисс Миллер выглядела моложе на несколько лет. Голос, наружность, манера держаться дамы с высоким лбом произвели на меня глубокое впечатление. Мисс Миллер казалась более заурядной. Румяное, хотя и очень озабоченное лицо,

торопливость в походке и движениях, обычная для тех, у кого на руках всегда множество неотложных дел, – короче говоря, она выглядела именно той, кем (как я узнала после) и была: младшей учительницей. Она вела меня из помещения в помещение, из коридора в коридор обширного здания прихотливой постройки. Наконец полную и немного гнетущую тишину, царившую в той части дома, которая осталась позади, нарушил гул множества голосов, и вскоре мы вошли в длинную просторную комнату с большими столами из сосновых досок – по два в обеих ее концах, с двумя горящими свечами на каждом, – а вокруг на скамейках сидели девочки и девушки всех возрастов – от девяти-десяти до двадцати лет. В смутном свете сальных огарков их число мне показалось несметным, хотя на самом деле оно не превышало восьмидесяти. На всех были одинаковые платья из грубой коричневой материи и длинные холщовые передники. Шел час самостоятельных занятий, все они учили заданные уроки, и гул, который я слышала, слагался из шепота их зубрежки.

Мисс Миллер знаком велела мне сесть на ближайшую к двери скамью, а потом прошла в глубину длинной комнаты и скомандовала:

– Старосты, соберите учебники и отнесите их на место!

В разных углах комнаты встали четыре девушки, каждая обошла свой стол, собирая учебники, и унесла их. Мисс Миллер отдала новое распоряжение:

– Старосты, принесите подносы с ужином!

Девушки вышли и вскоре вернулись с подносами, на которых лежали порции чего-то, я не рассмотрела чего, а на середине каждого стоял кувшин с водой и кружка. Порции были розданы, те, кто хотел пить, попили воды из общей кружки. Когда дошла очередь до меня, я тоже выпила воды, потому что меня мучила жажда, но до еды не дотронулась – от волнения и усталости я не могла есть. Однако я увидела, что ужин состоял из разломанной на куски овсяной лепешки.

Ужин кончился, мисс Миллер прочла молитву, и ученицы вышли из комнаты попарно. Я еле держалась на ногах от усталости и даже толком не разглядела мою новую спальню, заметив только, что она, как и классная комната, была очень длинной. На эту ночь мне предстояло разделить кровать с мисс Миллер, которая помогла мне раздеться. Ложась, я взглянула на ряды кроватей, в которые девочки быстро ложились по двое. Через десять минут единственную свечку задули, и среди тишины в непроницаемой тьме я уснула.

Ночь промелькнула мгновенно. Я так устала, что спала мертвым сном без сновидений и проснулась лишь раз, услышала завывания ветра, шум дождевых струй и убедилась, что мисс Миллер лежит рядом со мной. Вновь я открыла глаза под громкий звон колокола. Девочки торопливо одевались. Однако лишь начинало светать, и комнату освещали два-три мерцающих огарка. Я с величайшей неохотой тоже сбросила одеяло. Холод стоял лютый, и, пока я одевалась, меня била дрожь. Потом умылась, дождавшись, пока освободился таз, что произошло далеко не сразу, так как на шестерых учениц полагался один таз (стояли тазы на умывальнике в середине дортуара).

Вновь зазвонил колокол, пары построились в длинную вереницу, этим порядком спустились по лестнице и вошли в холодную, тускло освещенную классную комнату. Мисс Миллер прочла молитву, а затем скомандовала:

– Построиться по классам!

На минуту-другую воцарилась большая суматоха, и мисс Миллер вновь и вновь повторяла:

– Тише! Соблюдайте порядок!

Когда суматоха улеглась, я увидела, что девочки построились четырьмя полукругами перед четырьмя стульями – стоявшими у каждого стола. Все держали в руках книги, а на каждом столе перед каждым свободным стулом лежал толстый том, похожий на Библию. Насту-

пила пауза, заполненная тихими шепотками. Мисс Миллер переходила от класса к классу, и эти неясные звуки смолкали.

В отдалении звякнул колокол, и тотчас в комнату вошли три учительницы, каждая села к своему столу, а мисс Миллер опустилась на четвертый стул, ближайший к двери, возле которого собрались самые маленькие девочки. Она подозвала меня, и я заняла самое последнее место в этом, начальном, классе.

Учебный день начался. Повторили положенную молитву, произнесли некоторые стихи Писания, после чего довольно долго читали главы из Библии – чтение это продолжалось час. К его концу уже совсем рассвело. Неутомимый колокол зазвенел в четвертый раз, классам велели построиться, и ученицы парами перешли в другую комнату завтракать. Как я обрадовалась! Меня терзал голод: ведь накануне я почти ничего не ела.

Столовая оказалась огромной мрачной комнатой с низким потолком. На двух длинных столах дымились миски с чем-то горячим, но от них, к моему отчаянию, исходил совсем неаппетитный запах. Когда аромат этой еды достиг ноздрей тех, для кого она предназначалась, вспыхнуло всеобщее неудовольствие. От передних пар, составленных из высоких девочек старшего класса, донесся тихий ропот:

– Какая гадость! Овсянка опять подгорела!

– Тише! – потребовал голос, только не мисс Миллер, а одной из старших учительниц, невысокой, черноволосой, с ледяным выражением лица, щеголевато одетой особы.

Она села во главе одного стола, а за другим председательствовала наставница с более пышной фигурой. Тщетно я искала взглядом даму, что встретила меня накануне, ее нигде не было видно. Мисс Миллер заняла место в конце стола, за которым сидела я, а пожилая женщина, иностранка по виду (учительница французского языка, как я узнала потом), уселась на такое же место за вторым столом. Была произнесена длинная молитва, пропет духовный гимн, затем служанка принесла чай для учительниц, и классы приступили к завтраку.

Изнемогая от голода и уже очень ослабев, я проглотила две ложки овсянки, не замечая ее вкуса. Но, едва голод притупился, я обнаружила, что ем нечто тошнотворное – пригорелая овсяная каша почти не менее омерзительна, чем гнилой картофель, и отобьет желание есть даже у самого изголодавшегося бедняка. Ложки двигались все медленнее. Девочки, заметила я, пробовали кашу, пытались проглотить, и почти все сразу же оставляли эти попытки. Завтрак кончился, но никто не позавтракал. Была вознесена благодарность Всевышнему за то, чего мы не получили, и пропет еще один гимн. Затем столовая опустела, а классная комната наполнилась. Я выходила среди последних и увидела, как одна из учительниц взяла миску и попробовала кашу. Она переглянулась с остальными. На лицах их всех появилась брезгливость, а полная произнесла негромко:

– Отвратительное варево! Это просто позор!

До начала уроков оставалось пятнадцать минут, и в классной царил невообразимый шум. Видимо, в эти четверть часа разрешалось разговаривать громко о чем угодно, и ученицы использовали свою привилегию сполна. Разговоры шли только о завтраке, который все дружно бранили. Бедняжки! Другого утешения у них не было. Из учительниц в комнате присутствовала лишь мисс Миллер. Столпившиеся вокруг нее старшие девочки, что-то убедительно говорили, возмущенно жестикулируя. Я слышала, как несколько раз прозвучало имя мистера Брокхерста, но мисс Миллер неодобрительно покачала головой. Однако она не прилагала особых стараний, чтобы утихомирить общее негодование: без сомнения, она его разделяла.

Часы в классной пробили девять. Мисс Миллер оставила старшеклассниц, вышла на середину комнаты и скомандовала:

– Тише! По местам!

Но дисциплина превыше всего: через пять минут беспорядочная толпа разошлась по своим местам, разноголосый хор смолк, и воцарилась относительная тишина. Старшие учи-

тельницы заняли свои места, однако все словно чего-то ждали. Восемьдесят девочек сидели на скамейках вдоль стен комнаты прямо и неподвижно. Какими невзрачными они выглядят! Все с гладко зачесанными за уши волосами – ни у одной ни единой кудряшки, все в коричневых платьях с застегнутыми у горла узкими воротничками, с холщовыми сумочками сбоку (несколько напоминающими сумки шотландских горцев), предназначенными для швейных принадлежностей. На всех толстые шерстяные чулки и грубые башмаки, застегнутые медными пряжками. Примерно двадцать одетых таким образом учениц были уже взрослыми девушками. Эта форма совсем им не шла, и даже самые миловидные выглядели в ней несуразно.

Я все еще смотрела на них, иногда поглядывая на учительниц – ни одна из них мне не понравилась: у полной лицо было грубым, смуглая казалась сердитой, иностранка – некрасивой и злой, а мисс Миллер, бедняжка, казалась посинелой, замученной холодом и множеством обязанностей. Как вдруг, пока мой взгляд переходил с лица на лицо, все ученицы встали, словно подброшенные одной пружиной.

Что случилось? Я не слышала никакой команды и растерялась. Но прежде чем я успела собраться с мыслями, девочки снова сели, все глаза обратились в одну сторону, и, посмотрев туда же, я увидела даму, которая встретила меня накануне вечером. Она стояла в глубине длинной комнаты и в молчании обводила внимательным взглядом два ряда девочек. Мисс Миллер подошла к ней, как будто о чем-то спросила и, получив ответ, вернулась на свое место, а потом распорядилась:

– Староста первого класса, принесите глобусы.

Пока это приказание выполнялось, дама неторопливо направилась к одному из столов. Видимо, у меня сильно развита шишка почтительного преклонения, так как я до сих пор помню, с каким благоговейным восхищением следила за каждым ее шагом. Теперь, при свете дня, она выглядела высокой, стройной и прекрасной. Светившиеся благожелательностью карие глаза, осененные длинными ресницами под тонкими бровями, смягчали белизну высокого лба. Темно-каштановые волосы были на висках собраны в букли (гладкие бандо³ и длинные локоны тогда в моде не были). Платье, опять-таки модного тогда фасона, было из лилового сукна с отделкой из черного бархата, несколько в испанском стиле; на ее поясе поблескивали золотые часики (в те дни такие часы были еще редкостью). Пусть для довершения портрета читатель вообразит тонкие черты лица, хотя и бледного, но с нежной чистой кожей, а также величавую осанку, и он получит правильное представление – насколько вообще его могут дать слова – о внешности мисс Темпл, Марии Темпл, как я впоследствии прочла в надписи на молитвеннике, который мне было доверено отнести в церковь.

Директриса Ловуда (вот кем она была) села перед двумя глобусами, поставленными на один из столов, подозвала к себе первый класс и начала урок географии. Учительницы подозвали к себе остальные классы. Повторение истории, грамматики и прочего продолжалось около часа. Затем последовали письмо и арифметика, а мисс Темпл занималась музыкой с некоторыми из старших учениц. Длительность каждого урока проверялась по часам, которые наконец пробили двенадцать. Директриса встала.

– Я должна сказать кое-что ученицам, – объявила она.

Уже поднявшийся шум, который знаменует окончание занятий, разом оборвался при звуке ее голоса, и она продолжила:

– Утром вам подали завтрак, который вы не могли есть, и, следовательно, остались голодными. Я распорядилась, чтобы всем был подан хлеб с сыром.

Учительницы уставились на нее с изумлением.

– Ответственность я беру на себя, – добавила она в их сторону и тут же вышла из комнаты.

³ Гладкая прическа из кос, особым образом уложенных на ушах (ред.).

Вскоре хлеб с сыром был принесен и роздан к величайшему восторгу и утолению голода всей школы. Затем последовала команда: «В сад!» Все надели шляпки из грубой соломки с завязками из цветного коленкора и серые фризковые пелерины. Я получила такие же и в общем потоке вышла в сад.

Он представлял собой обширный участок, обнесенный высокой оградой, полностью загораживавшей вид на окрестности. Вдоль одной стороны тянулась крытая веранда, а широкие дорожки окаймляли разделенное на десятки маленьких клумб пространство в середине. Эти клумбочки поручались заботам учениц, и у каждой была своя хозяйка. Летом, все в цветах, они, без сомнения, были красивы, но теперь, во второй половине января, среди зимнего опустошения глаз не видел ничего, кроме бурых гниющих стеблей. Пока я стояла и осматривалась, меня пробрала дрожь: день мало подходил для прогулок. Дождь, правда, не лил, но сад затягивал желтоватый туман, каплями оседавший на всем, а земля под ногами хранила следы вчерашнего потопа. Самые крепкие и здоровые девочки бегали, затевали игры, но бледные и щуплые сгруппировались на веранде, чтобы как-то укрыться от сырости и согреться. Однако холодная влага пробиралась к ним под одежду, вызывая озноб, и я часто слышала глухой кашель.

До сих пор я еще ни с кем не перемолвилась ни словом, и никто словно бы меня не замечал. Я держалась в стороне ото всех, но такое одиночество было мне привычным. Я прислонилась к столбу веранды, поплотнее закуталась в серую пелерину и, стараясь забыть про холод, который пощипывал меня снаружи, и про голод, который грыз меня изнутри, принялась наблюдать и размышлять. Мои мысли были слишком неопределенными и беспорядочными, чтобы их стоило записывать. Я даже толком не знала, где нахожусь. Гейтсхед и моя прежняя жизнь словно отодвинулись в неизмеримую даль, настоящее было смутным и непривычным, а будущее я и представить себе не могла. Я снова обвела взглядом этот монастырский сад, а потом поглядела на дом – половина огромного здания выглядела серой и древней, а вторая половина – совсем новой. Окна новой части, в которой находились классная комната и дортуйр, частым металлическим переплетом напоминали церковные. Каменная доска над дверью гласила:

Ловудский приют. Сия часть здания была восстановлена в лето Господне... иждивением Наоми Броклхерст из Броклхерст-Холла в сем графстве.

«Да светит свет ваш пред людьми, чтобы они видели ваши добрые дела и прославляли Отца вашего Небесного».

Св. Матф. V. 16

Вновь и вновь перечитывала я эти слова и искала им объяснения, так до конца и не постигнув их смысла. И все еще ломала голову над «приютом», ища связи между первыми словами и стихом из Писания, когда раздавшийся совсем рядом кашель заставил меня повернуть голову. На каменной скамье поблизости я увидела девочку, склонившуюся над книгой и, видимо, увлеченную чтением. Я разглядела заглавие: «Расселас». Имя показалось мне необычным, а потому особенно любопытным. Переворачивая страницу, девочка подняла глаза, и я ее спросила:

– Интересная книга? (Я уже решила, что как-нибудь попрошу дать мне ее почитать.)

– Мне она нравится, – ответила девочка после секунды-другой, пока окидывала меня взглядом.

– О чем она? – спросила я затем.

Не могу понять, откуда у меня хватило смелости вот так начать разговор с незнакомой девочкой. Подобный поступок был противен моей натуре и привычкам, но, полагаю, книга в ее руках пробудила во мне симпатию. Я ведь тоже любила читать, правда, развлекательные и детские книжки, – серьезные и поучительные я не умела ни постичь, ни переварить.

– Вот, пожалуйста, посмотри сама, – ответила девочка, протягивая мне книгу.

Я взяла ее и, пролистав, убедилась, что содержание было менее заманчивым, чем название. «Расселас» на мой необразованный вкус был скучен. Ничего о феях, ничего о джиннах, никакого яркого разнообразия в теснящихся строчках. Я вернула книгу девочке, она взяла ее молча и уже готова была вновь погрузиться в чтение, когда я осмелилась снова ее отвлечь:

– Ты не можешь объяснить мне, что означает надпись над дверью? Что такое «Ловудский приют»?

– Этот дом, куда ты приехала жить.

– А почему его называют приютом? Он чем-то не похож на другие школы?

– Отчасти это благотворительное учреждение: ты, я и все остальные – мы приютские дети. Ты, наверное, сирота. Ведь кто-то из твоих родителей умер?

– Они оба умерли, когда я была совсем маленькой, и я их не помню.

– Ну, тут все девочки лишились либо кого-то из родителей, либо обоих, и школа называется приютом для обучения сирот.

– И мы ничего не платим? Они держат нас тут даром?

– Мы платим, или платят наши друзья, пятнадцать фунтов в год каждая.

– Так почему же нас называют приютскими?

– Потому что пятнадцати фунтов недостаточно для оплаты полного пансиона и обучения и остальные средства собираются по подписке.

– И кто подписывается?

– Разные добрые дамы и джентльмены в этих краях и в Лондоне.

– Кто была Наоми Броклхерст?

– Дама, которая построила новую часть дома, как написано на доске, и чей сын за всем здесь следит и всем управляет.

– Почему?

– Потому что он казначей и попечитель Ловуда.

– Так этот дом не принадлежит высокой даме с часами на поясе, которая велела дать нам хлеба с сыром?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.